

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Московский институт социально-культурных программ

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 3 (38)

Май — июнь

**Москва
2012**

УДК 008
ББК 71
П71

Редколлегия журнала:

А. Л. Маршак (главный редактор), **В. В. Сергеев** (заместитель главного редактора), **О. Н. Мамонова** (ответственный секретарь),
С. В. Бабакаев, В. Н. Ксенофонов

Редакция журнала:

В. Г. Донской (заведующий редакцией), **Л. Г. Королева** (литературный редактор), **Ф. Н. Черепанов**

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М. : НИЦ «Академика», 2012. — Вып. № 3 (38). — 128 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 19 февраля 2010 года № 6/6 (уточненная редакция от 22.10.2010).

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский институт социально-культурных программ, 2012
© НИЦ «Академика», 2012

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

- Иванов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор
- Сергеев В. К.** Научный руководитель Московского института социально-культурных программ, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены Совета

- Андреев Э. М.** Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук
- Вдовиченко Л. Н.** Доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии РГГУ
- Викторов А. Ш.** Доктор социологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, член Творческого союза художников России
- Дмитриев А. В.** Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор
- Запесоцкий А. С.** Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
- Капто А. С.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН
- Кузнецов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, профессор, доктор социологических наук
- Кулашик Петер** Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия
- Маркович Данило** Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

-
- Маршак А. Л.** Главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации, член Союза писателей России
- Миронов А. В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации
- Нарбут Н. П.** Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
- Петрусек Милослав** Доктор философии, профессор кафедры социологии факультета социальных наук Карлова университета, почётный проректор и декан факультета социальных наук Карлова университета, вице-президент Чешского социологического общества, иностранный член Российской академии социальных наук, Прага, Чехия
- Попов А. В.** Доктор социологических наук, профессор Южного Федерального Университета
- Сосунова И. А.** Проректор Академии МНЭПУ, действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Федоряк Н. А.** Кандидат социологических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
- Чупров В. И.** Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

СЕРГЕЕВ В. К.	Путинская шестилетка: актуальные проблемы национальной политики и межкультурного взаимодействия / Putin's six-year plan: actual problems of a national policy and intercultural interaction	7
МАРШАК А. Л.	Опыт социологического осмысления российского мультикультуризма / Experience of sociological understanding of Russian multiculturalism	19

ГОД ИСТОРИИ В РОССИИ

ТАХО-ГОДИ Е. А.	«Мифологическая целесообразность» судьбы / «Mythological advisability» of fate	31

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

БУДАНОВА М. А., КОНОПЛИН Ю. С.	Государственная социальная политика современной России: антропологический подход / The state social policy of modern Russia: anthropological approach	41

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ДМИТРИЕВ А. В.	Скандал: социокультурные подходы / Scandal: sociocultural approaches	53

РУССКИЙ МИР

ХАЗОВА Н. В.	Санкт-Петербург сквозь призму художественных взглядов Александра Бенуа / Saint Petersburg through the views of Alexandre Benois	60

АСПЕКТЫ

АНИСИМОВА С. А.	Роль православной традиции в политическом процессе современной России / The role of orthodox tradition in political process of modern Russia 71
КОШАРНАЯ Г. Б., РОЖКОВА Л. В.	Трудовые ценности студенческой молодежи в условиях социокультурной модернизации российского общества / Labor values of student's youth in the conditions of sociocultural modernization of the Russian society 82
ПУЗАНОВА Ж. В., ВДОВИНА Т. В.	Дискурс-анализ в социологии: перспективы и проблемы / Discourse analysis in sociology: perspectives and challenges 93
ШАК Ф. М.	Преодоление оппозиций массовой и элитарной музыки в эпоху постмодернизма / Overcoming of oppositions of mass and elite music during a postmodernism epoch 101
АРХИВ МИСКП	110
КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ	124

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

*СЕРГЕЕВ Владимир Кириллович,
доктор социологических наук,
кандидат исторических наук, академик,
Российская академия социальных наук
miskp@mail.ru*

Путинская шестилетка: актуальные проблемы национальной политики и межкультурного взаимодействия / Putin's six-year plan: actual problems of a national policy and intercultural interaction

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы межнациональных отношений в современной России, в таком сложном полиэтническом мегаполисе, как Москва. Автор анализирует государственную национальную политику, процессы неконтролируемой миграции, приведшей к перенасыщению российских городов переселенцами и трудовыми мигрантами из стран СНГ, проблемы межкультурного взаимодействия. Рассматриваются обострения взаимоотношений с коренным населением, рост национальной нетерпимости, межнациональные конфликты. Освещается разработка новой национальной политики, предложенная в программной статье В. В. Путина, и дается ее научный анализ на основе социологических данных, характеризующих ситуацию, сложившуюся в этой сфере политики России.

Ключевые слова

Государственная национальная политика; миграция населения; межнациональное культурное взаимодействие; гражданский патриотизм; межконфессиональный диалог.

Annotation

The problems of interethnic relations in modern Russia, in such complex polyethnic megacity, as Moscow are considered in the article. The state national policy realized during last two decades, has appeared insolvent. Author analyses uncontrollable migration which has led to glut of the Russian cities by immigrants and labour migrants from the CIS countries, issues of interethnic interrelation. Development of new national policy is offered in the program article by V. V. Putin. The scientific analysis of this article and sociological comments as a result of the current situation in this sphere of a state policy are offered by the author.

Keywords

The state national policy; population shift; international cultural interaction; civil patriotism; interfaith dialogue.

Российское государство исторически складывалось как многонациональное образование. Сегодня на его территории проживают представители более ста пятидесяти наций, народностей, обладающих уникальными богатствами материальной и духовной культуры. Русский народ всегда являлся и остается сегодня объединяющим, основообразующим государственным фактором. Благодаря ему на территории России сохранялись уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз малых народов.

Однако в последние десятилетия межнациональные отношения как на всем постсоветском пространстве, так и на территории России осложнились.

В ходе социально-политических и экономических преобразований национальный вопрос приобрел особую остроту и актуальность, требуя нового осмысления, целостного государственного подхода. В 1996 году была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской Федерации.

С момента принятия этого документа минуло полтора десятка лет. Однако и сегодня остаются нерешенными проблемы межнациональных отношений, этнической миграции, обеспечения конституционных прав и обязанностей граждан, прибывающих в Россию из других стран, роли русской нации, русского языка и культуры в деле сплочения всех наций и народов России. В ходе решения сложных и болезненных экономических и политических задач проблема обще-

жития разных народов в России долгое время оставалась без должного внимания, и поэтому острота ее все более нарастала.

23 января 2012 года В. В. Путин опубликовал в «Независимой газете» свою вторую программную предвыборную статью «Россия: национальный вопрос», посвященную межнациональной политике. В статье он признает, что в государственной национальной политике сохраняется целый ряд болезненных проблем. «Для России — с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур — национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер», — отмечает он.

Накопление и обострение рисков, опасностей и угроз, таящихся в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в мире и в России, требуют выработки стройной концепции противодействия, их устранения, гармонизации этих отношений, определения стратегии мировой и государственных политик, направленных на формирование гармонии межнациональных и межкультурных отношений.

Сегодня масштабы миграции в России растут стремительно. «Великое переселение народов» охватило весь мир. И во всем мире эти процессы происходят болезненно, часто трагически. Инонациональные переселенцы не стремятся ассимилироваться, учить язык, приобщаться к культуре, традициям принимающих их народов. Зачастую они ведут себя агрессивно по отношению к принявшему их социуму, создавая в нем точки напряжения. Такие ситуации характерны прежде всего для мегаполисов, демографический состав которых наиболее сложен, чрезмерна концентрация населения и особенно велик диапазон социального расслоения.

Диспропорция в демографическом составе населения мегаполисов неизбежно вызывает диспропорции развития тех или иных сфер жизнедеятельности, распределения благ в пользу одних и в ущерб другим нациям и народностям не только в рамках городского хозяйства, межнациональных отношений в пределах одного города (например, проблемы мигрантов в Париже, Лондоне, ряде городов Германии, США, России), но и, главное, вносит дезорганизацию в развитие государственных процессов, создавая привилегии одним и ущемляя интересы других наций и народностей.

Россиянам не пошел на пользу печальный опыт западных столиц и мегаполисов, безудержно импортировавших дешевую рабочую

силу и в результате оказавшихся заложниками агрессивных национально-религиозных общин, теперь уже диктующих коренному населению свои правила поведения и организации жизни. «Ответная реакция на такую модель поведения — рост ксенофобии среди местного коренного населения, попытка жестко защитить свои интересы, рабочие места, социальные блага — от «чужеродных» конкурентов. Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность»¹.

Кардинальные изменения российской действительности в 90-е годы привели к тому, что вопросы социально-демографического развития (и в частности, миграции — его основного компонента) приобрели для России и ее столицы — Москвы новую геополитическую окраску. С того времени миграции стали ведущим фактором динамики общей численности и состава населения во всех регионах страны.

Москва является одним из самых сложных по национальному составу городов России. В связи с ростом миграции, притоком беженцев, людей, ищущих в столице возможность заработка или «красивой жизни», успеха, демографическая ситуация в Москве серьезно осложнилась и продолжает осложняться. Успешно решать эту новую для России в целом и для Москвы в частности проблему можно лишь на основании объективной оценки новых реалий, научно обоснованной государственной стратегии, с учетом научной информации, мотивированных прогнозов и рекомендаций.

По результатам исследования, проведенного Московским институтом социально-культурных программ в июле — сентябре 2011 года, москвичи так оценивают состояние межнациональных отношений в столичном мегаполисе: 25% называют их хорошими, 35% — удовлетворительными, 18% — плохими, 15% отметили, что их эта проблема не интересует, и 7% респондентов затруднились дать определенный ответ. Эти данные, соотнесенные с результатами исследования 2000 года, свидетельствуют о значительных переменах в оценках населения состояния межнациональных отношений в столице России, произошедших за 11 лет. Тогда хорошими межнациональные отношения назвали 36%, удовлетворительными — 30%

¹ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23.01.

и плохими — 14% москвичей, 10% участников опроса отметили, что их эта проблема или не интересует (3%), или не смогли дать определенного ответа (7%).

«Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности, — пишет В. В. Путин в своей программной статье «Россия: национальный вопрос». — Считаю, что в системе федеральных органов власти необходимо создать специальную структуру, отвечающую за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействия этносов. Сейчас эти проблемы находятся в ведении Министерства регионального развития и за ворохом текущих задач вытесняются на второй, а то и третий план, и такую ситуацию надо исправить.

Это не должно быть стандартное ведомство. Скорее речь должна идти о коллегиальном органе, который взаимодействует непосредственно с президентом страны, с руководством правительства и имеет определенные властные полномочия. Национальная политика не может писаться и реализовываться исключительно в кабинетах чиновников. В ее обсуждении и формировании должны непосредственно участвовать национальные, общественные объединения.

И, конечно, мы рассчитываем на активное участие в таком диалоге традиционных религий России. В основе православия, ислама, буддизма, иудаизма — при всех различиях и особенностях — лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда. Эти ценностные ориентиры невозможно чем-либо заменить, и их нам надо укреплять»¹.

Церковь, активно участвуя в историческом процессе развития культуры, в свою очередь восприняла многое из созданного человечеством в этой области, переплавляя плоды творчества в горниле

¹ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23.01.

религиозного духовного опыта, стремясь очистить их от губительных для общества элементов, а затем, с использованием своих специфических возможностей, преподать людям.

В новых условиях демократического общества в России церкви, традиционные религиозные конфессии разных народов после долгих десятилетий гонения получили возможность проповедовать свои вероучения, располагая достаточно широкими организационными и материальными возможностями, вести активную культурную, просветительскую, воспитательную деятельность, в том числе и в сфере решения проблем гармонизации межнациональных отношений, развития межкультурного и межконфессионального диалога, воспитания высокой духовности, нравственности, культуры, противодействия негативным социальным явлениям.

По данным социологического исследования «Церковь и культура», проведенного Московским институтом социально-культурных программ в 2009 году, 47,5% жителей Москвы считают, что «церковь вносит значительный вклад в воспитание патриотизма».

Рост числа верующих в современной России, с одной стороны, содействует возрастанию культурного влияния и общественной активности церкви, а с другой — открывает возможность для все большего числа людей прикоснуться к истокам, основам многонациональной российской культуры.

Исследования Московского института социально-культурных программ подтверждают заинтересованность такого сотрудничества и свидетельствуют о высокой общественной оценке роли и участия церкви в различных направлениях развития общества и воспитания личности. Вот как распределились ответы на вопрос анкеты «В каких сферах необходимо сотрудничество государства и церкви?»

Как видно из таблицы (см. с. 13), москвичи придают большое значение роли церкви в сохранении национальных традиций, в гармонизации межнациональных отношений, в воспитании патриотизма.

«Убеден, государство, общество должны приветствовать и поддерживать работу традиционных религий России в системе образования и просвещения, в социальной сфере, в Вооруженных силах. При этом должен быть, безусловно, сохранен светский характер нашего государства», — отмечает Путин¹.

¹ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23.01.

Вариант ответа	%
Образование, просвещение	22,5
Изучение истории	16,7
Культурное воспитание	25,8
Воспитание духовности	37,5
Борьба с социальными болезнями	20,8
Гармонизация межнациональных отношений	23,6
Укрепление семьи	26,7
Воспитание подрастающих поколений	34,2
Воспитание патриотизма	15,8
Сохранение национальных традиций	42,5
Забота о здоровье	11,7
Социальная защита инвалидов и престарелых	24,2
Другое	2,5

В. В. Путин считает, что основой стратегии в сфере национальной политики должен быть гражданский патриотизм. Гражданин России не должен ставить национальные или религиозные особенности выше законов государства. Осознавая, что усиление националистической риторики связано прежде всего с издержками неконтролируемой миграции, он предлагает систематизировать миграционную политику, ввести уголовную ответственность за нарушение миграционных правил и регистрации, за укрывательство нелегальных мигрантов. Мигранты должны изучать русский язык, знать историю России, соблюдать обычаи коренного населения, изучать русскую культуру и литературу. Любое агрессивное, вызывающее, неуважительное поведение мигрантов должно встречать отпор общества и власти, которая зачастую бездействует.

Критикуя маргинальный, воинствующий русский национализм как провозглашение этнической избранности, В. В. Путин считает, что необходимы меры, направленные на повышение уровня национального самосознания русских, которые должны научиться защищать не только других, но и самих себя. По сути, впервые в программной статье прозвучала критика в адрес тех, кто «голосит о русском фашизме», пытаясь таким образом превентивно пресечь любое проявление русских бережного отношения к своей истории, культуре и призвать других к уважению этой истории и культуры.

Практика развития межнациональных отношений в городах России, являющихся центрами интенсивного межнационального

взаимодействия, показывает, что, с одной стороны, они выступают сегодня своеобразными полигонами гармонизации национальных отношений, а с другой — зачастую становятся центрами концентрации межэтнической напряженности.

Москва — один из древнейших городов, история которого насчитывает более восьми с половиной веков. С момента своего основания она осуществляет функции города-объединителя, города-собирателя русских земель. И еще один из важнейших факторов очень скоро стал определять и определяет сегодня ее «столичный характер» — многонациональность. Конечно, при основной, самой массовой, интеллектуально, экономически и политически значимой составляющей — русской части населения как столицы Руси.

С развитием государственности, расширением российских границ за счет присоединения новых территорий и народов, а также с расширением торговых, политических, культурных и иных связей с другими государствами состав населения столицы России, а позднее и Советского Союза становился все более многонациональным.

Основными целями государственной национальной политики в Москве должны быть обеспечение социально-экономических и гражданских прав москвичей всех национальностей, создание условий для удовлетворения их национально-культурных и национально-образовательных запросов, полноправного общественного и культурного развития национальных общин, укрепления в столице атмосферы межнационального мира и создания поликультурного московского сообщества.

Необходимостью решения основных задач национальной политики обусловлено развитие в столице сети учреждений с этнокультурным (национальным) содержанием образования, укрепление сотрудничества с национально-культурными объединениями.

В Москве традиционно существовал и будет существовать собственный специфический общественно-политический и культурный микроклимат, влияющий на общее мироощущение, образ жизни, особые, отличные от других регионов страны стереотипы поведения населения. Москва все определеннее проявляет себя как один из международных финансовых и торговых центров. Через нее проходит большинство российских финансовых потоков, а также немалая часть финансовых и товарных потоков государств СНГ. Это также влияет на динамику развития как ее социальной, так и этнической структуры, порождает новую конфигурацию интересов, нередко при-

обретающих этнический характер. Специфика межнациональных отношений, складывающихся в Москве, такова, что многие москвичи видят в переселенцах, гастарбайтерах виновников ухудшающегося социально-экономического положения, конкурентов на рынке жилья и труда.

«При прочих равных условиях такое развитие миграции создает определенные предпосылки для решения социально-демографических проблем одних районов за счет других. Однако на практике не все так благополучно, поскольку речь идет о решении социально-демографических проблем одного неблагоприятного в демографическом отношении региона за счет других, по многим параметрам также неблагоприятных, но крайне важных с геополитической точки зрения», — пишет В. В. Путин.¹ В полной мере это относится и к Москве.

На фоне других регионов России и особенно стран СНГ благополучная Москва выглядит привлекательно своей политической и экономической стабильностью, комфортными условиями и уровнем жизни, наличием рынка труда. По этой причине она и стала наиболее притягательным для мигрантов городом на всем постсоветском пространстве. Возможности Москвы велики, но не безграничны, и увеличение фактической численности населения столицы за счет легальных, а по большей части нелегальных мигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья не может рассматриваться как позитивное явление вследствие отсутствия над этим процессом государственного контроля и регулирования.

От того, насколько адекватно сложившимся социально-политическим и демографическим реалиям строится сегодня национальная и миграционная политика, во многом будет зависеть будущее России. Пока же можно констатировать отсутствие целостной политики в этой сфере. Этому вопросу, к сожалению, не уделяется должного внимания.

В традиционно интернациональной России с массовым притоком неславянского населения, появлением миллионных азербайджанских и армянских диаспор, измеряемых сотнями тысяч узбекской, таджикской, грузинской и других диаспор, сравнительно новых для России, но быстро разрастающихся в целые районы компактного

¹ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23.01.

проживания китайских, вьетнамских, а теперь еще и арабских, африканских и других этнических групп демографическая проблема вышла в разряд наиболее актуальных и взрывоопасных. Прежде всего это утрачивание атмосферы интернационализма, национальной терпимости, взаимопонимания, доверия, культурного взаимопроникновения и взаимообогащения наций и народов, населяющих Россию.

«Нелегальная иммиграция никогда и нигде не может быть исключена полностью, но она должна и может быть, безусловно, минимизирована, — считает В. В. Путин. — И в этом плане — внятные полицейские функции и полномочия миграционных служб необходимо усилить.

Однако простое механическое ужесточение миграционной политики не даст результата. Во многих странах такое ужесточение приводит лишь к увеличению доли нелегальной миграции. Критерий миграционной политики заключается не в ее жесткости, а в ее эффективности.

В связи с этим должна быть предельно четко дифференцирована политика в отношении легальной миграции — как постоянной, так и временной. Что, в свою очередь, предполагает очевидные приоритеты и режимы благоприятствования в миграционной политике в пользу квалификации, компетентности, конкурентоспособности, культурной и поведенческой совместимости. Такая “положительная селекция” и конкуренция за качество миграции существуют во всем мире. Излишне говорить и о том, что такие мигранты интегрируются в принимающее общество намного лучше и легче»¹.

К сожалению, в реальной жизни в Россию более всего приезжают мигранты с низким уровнем образования, квалификации, плохо владеющие или не владеющие вовсе русским языком. В основном они работают в сфере строительства, грузчиками, дворниками, подвергаясь жестокой эксплуатации, унижениям, за крайне низкую зарплату. Они часто пополняют ряды преступного мира, бродяжничают. И конечно же тем самым вызывают раздражение, неприятие коренных жителей.

Отсутствие единой политики в области культуры и контроля ее проведения на практике (полная, ничем не ограниченная свобода

¹ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23.01.

творчества, безответственного «художнического самовыражения» далеко не всегда благо), непонимание и недооценка единства многонациональной формы культуры и патриотичности ее содержания властями разных уровней «работают» не на сближение национальных культур, не на их взаимопроникновение, не на единение общества, являющееся уже много столетий основой России как многонациональной великой державы, а на разъединение, постепенное разрушение государственности.

Более всего оторвана от национальных культурных корней городская молодежь. Вернуть к духовной жизни, творчеству, приобщить к животворящим истокам подлинной культуры Родины, ее многовековым традициям, помочь ощутить себя гражданами единой, могучей державы — вот в чем великая миссия политиков, работников просвещения, культуры, искусства. С одной стороны, необходимо уверенно защищать культурные ценности, отражающие интересы и национальные традиции большинства, с другой — не ущемлять национальное достоинство и самобытность меньшинства.

К числу наиболее значимых причин напряженности межнациональных отношений респонденты относят низкий уровень материальной обеспеченности большинства москвичей (52% опрошенных по массиву); сложную социально-экономическую ситуацию в городе, провоцирующую взаимную нетерпимость (43%); значимые различия национальных культур различных групп населения города (28%).

Напряженность межнациональных отношений рассматривается и как следствие целенаправленного (действия всякого рода националистических организаций — 22%) или нецеленаправленного (выступления отдельных СМИ, политиков) влияния. Значимая доля вины за ситуацию возлагается респондентами на организации и институты, призванные формировать настроения всеобщего согласия, взаимной терпимости; решать проблемы, обостряющие национальную предубежденность. О малой эффективности таких учреждений, как школы, как национально-культурные общества, говорят 18% опрошенных, о неэффективности работы полиции по предупреждению и разрешению межнациональных конфликтов — 69% опрошенных. Лишь около половины москвичей (46% по массиву) считают, что полиция в той или иной мере способна влиять на урегулирование межнациональных отношений в городе.

Разрешение проблем межнациональных отношений, достижение межнациональной консолидации через более полное удовлетворение интересов национальных групп населения без ясных представлений о задачах, требующих безотлагательного решения, без четко сформулированной концепции национальной политики невозможно.

Положение дел осложняется отсутствием необходимого опыта разработки такого рода программ в отечественной практике, во-первых, и невозможностью использования зарубежного опыта, во-вторых. Изучению этнических процессов в крупных городах посвящено большое количество исследований за рубежом. Однако данные этих исследований, отражая иные исторические и социальные условия, плохо сопоставимы с отечественными реалиями формирования и современного состояния этнических групп, особенностями межэтнического взаимодействия в многонациональных городах России.

Культура как показатель уровня духовной жизни людей, результат их воспитания и образования, интеллектуального, нравственного и эстетического развития должна быть ориентирована на формирование между представителями разных наций отношений сосуществования, добрососедства, согласия и мира.

Библиография

1. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23.01.

*МАРШАК Аркадий Львович,
доктор философских наук, профессор,
Институт социологии РАН
marshak_al@mail.ru*

Опыт социологического осмысления российского мультикультуризма¹ / Experience of sociological understanding of Russian multiculturalism

Аннотация

Статья посвящена анализу поликультурного состояния современного российского общества. Дается социологическое описание основных слоев культуры, их значение и роль в состоянии российского мультикультуризма как части цивилизованного пути развития.

Ключевые слова

Культура; цивилизация; дуалистичность культуры; историческая память; культурный менталитет; коммерционализация культуры; массовая культура; китч; культурный консерватизм; религиозная культура; поликультурная система.

Annotation

The article is devoted to analysis of policultural condition of modern Russian society. Sociological description of main cultural stratum, their meaning and role in condition of Russian multiculturalism as a part of civilizational way of development are given.

¹ Статья написана на основе выступления на XII Международных Лихачевских научных чтениях. Санкт-Петербург, май 2012 г.

Keywords

Culture; civilization; duality of culture; historical memory; cultural mentality; commercialisation of culture; mass culture; kitsch; cultural conservatism; religious culture; policultural system.

Рассматривая своеобразие и особенности мультикультуризма в современной России, необходимо исходить из того, что наша страна, как никакие общественные системы, самодостаточна. В России есть все для того, чтобы занять передовые позиции в современном цивилизованном обществе, в обществе глобальных потрясений, великих культурных сдвигов. Следует отметить, что, хотя Россия имеет серьезное самостоятельное значение как государство, как социальное сообщество, как культурный феномен, вместе с тем она (Россия) неотделима от общемировой цивилизации, является неоспоримой частью цивилизованного мира, и без российского контекста, особенно ее культуры, современный мир не может быть представлен как часть общего мироздания и миропорядка.

Однако российская культура, как в общем-то и культуры других стран мирового содружества, не перестает сохранять своеобразие. Эти особенные черты и состояние российской культуры имеют объективные социокультурные основы. Первым из них является историческое наследие, связанное с геополитическим пространством, которое диктует историческую склонность к сепаратизму и расколу в идейно-политических взглядах и позициях. Российское общество традиционно, по существу, с эпохи Петра делится на западников и славянофилов, привнося тем самым своеобразие и в формы государственного устройства, и в культурную основу страны. Надо заметить, что эта главная дуалистичность довлеет над культурой и культурным поведением граждан России на протяжении всей ее многолетней истории. Сама конструкция российской культуры дуалистична и включает в себя равно как достижения лучших образцов западноевропейской мысли (аскетизм, свободомыслие, фундаментальность творческого мышления и т. п.), так и образчики азиатских форм культуры (монументальность, стремление к «роскоши», глубину обобщений и т. п.). Одновременно такая организация культуры обеспечивала социокультурную интеграцию в реальности и способствовала формированию такой своеобразной культуры, которая была неотделима от государства и стояла на службе его интересов.

Так что же представляет в этих условиях современная российская культура и как она трансформируется в соответствии с запросами жизни?

С начала 2000-х годов в российской культуре ярко заявил о себе культурный слой так называемых традиционалистов (А. Гофман¹). Это приверженцы слоя, ностальгирующего по культуре советского периода, слой населения, который включает в себя представителей почти всех социально-демографических групп жителей России. Их особый интерес подкрепляется сегодня средствами массовой информации, а также рядом серьезных исследований историков и культурологов.² Подобное направление в культуре современной России не без основания следует связывать с наличием в обществе кризиса исторической памяти, порожденного условиями отсутствия государственной идеологии и цензуры. Это привело к тому, что появились работы, произвольно, недокументированно трактующие историю культуры советского периода. Произошел фактический отказ от истории, ее фальсификация. В условиях безвременья, кризиса 90-х годов, развала системы образования стали появляться идеи, носящие произвольное толкование нашего исторического и культурного прошлого. Но российский культурный менталитет не был окончательно подорван, интерес к будущему не прошел. Он принял специфические формы обращения к прошлому и познания через его освоение настоящего и будущего. Характерен такой пример. В год 65-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией был

¹ Гофман А. Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М. : РОССПЭН, 2008. С. 11.

² Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М. : Наука 2006; Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения. — 2002. — Ноябрь — декабрь. — № 6 (62); Пивоваров Ю. С. Русская политическая традиция и современность. М. : ИНИОН РАН, 2006. Кроме того, можно указать на ряд телевизионных шоу, имеющих значительную популярность: музыкальные («Достояние республики», «Две звезды») и политические (с участием Н. Сванидзе и С. Кургиняна («Суд времени»).

³ Репрезентативная выборка — 750 студентов-выпускников.

проведен экспресс-опрос студентов ряда вузов г. Москвы.³ При крайне низком уровне чтения книг (по последним данным, 60% населения вообще ничего не читают, а 80% не посещают библиотеки) была выявлена тенденция роста интереса к мемуарной литературе отечественных военачальников периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Объем внимания к этой литературе достигал 80,1% от общего числа прочитанных изданий. При этом большая часть респондентов (76,8%) отметила, что обратилась к данной литературе с целью разобраться с действительным положением дел во время войны, с целью выявления настоящей роли Красной армии и Советского Союза в победе над фашистами.

Таким образом, можно констатировать, что наличие данного, «традиционалистского» направления в российской культуре не носит случайного характера, а есть результат пробуждения культурного самосознания российского народа, ответ на возрождение культурно-исторической памяти.

Другим культурным слоем, во многом противостоящим приверженцам традиционализма в культуре, являются носители «либеральных» взглядов. Русский либерализм имеет свою длительную историю, которая выдвинула из своей среды много замечательных людей, борцов за прогресс и светлое будущее. К российским либералам можно причислить Радищева А. Н., Герцена А. И., Огарева Н. П., Добролюбова Н. А., Чернышевского Н. Г., Белинского В. Г. Российская культура дала плеяду замечательных мыслителей-либералов из числа философов, ученых-естествоиспытателей. Либералы сыграли очень важную роль в подрыве монархического мировоззрения в России, способствовали модернизации российского общественного сознания.

Но либерализм XIX века не имел серьезной социальной основы в России и поэтому, оставив свой заметный след в политике и культуре (многие произведения литературы XIX века можно считать раскрытием либерализма, весь Серебряный век также образец русского либерализма), изжил себя. Долгое время воскрешение этих идей в советский период было невозможно.

Перестройка, начатая по инициативе М. С. Горбачева, свобода слова, политических взглядов дали возможность для возрождения либерализма как идейного, культурного течения. Привлекательность либеральных взглядов, умение их лидеров демагогически пропагандировать свои идеи привели к тому, что на первом этапе существо-

вания постсоветской России деятели либерального толка захватили главенствующие посты в государстве Российском. Властный ресурс позволил им сформировать не только управленческие структуры, но и оказать влияние на культуру.

Новая либеральная культура зиждется на коренной идее неолбералов о преимущественном влиянии рынка на все стороны общественного развития. В своей на сегодняшний день итоговой работе Е. Гайдар и А. Чубайс, опираясь на либеральные идеи экономистов А. Аганбекяна, Т. Заславской, С. Шаталина, Г. Попова, Н. Петракова, П. Бунича и других, отмечают, что единственно верным путем развития был «рыночный социализм», на стороне которого были симпатии большинства интеллигенции, определенный авторитет части партийных и правительственных кругов»¹. Но молодые либералы-реформаторы, поддержанные Б. Н. Ельциным, пошли дальше и, проведя шоковые реформы, создали экономику рынка. Все эти перипетии не могли не сказаться на культуре, которая оказалась коммерциализированной. Тем самым был нарушен главный закон культурного развития — монетизация не должна затрагивать культуру, ее учреждения и уж тем более не может быть конечным результатом культуры. Здесь не могу не привести остроумное замечание известного российского писателя, главного редактора «Литературной газеты» Ю. Полякова: «Самоокупаемость культуры — это все равно, что самоокучиваемость картофеля!» Впрочем, вся история культуры говорит о том, что магистральный путь ее развития связан с творчеством, а не с торгашеским подходом. Тут-то и заложено основное противоречие либеральной культуры.

Рынок не может быть идеалом общественного развития. Наоборот, это такой институт, где каждый старается обхитрить другого, где зло и лживость неизбежны, где вас всегда обвесят и обманут. Поэтому рынок не может быть идеалом цивилизованного общества. Рынок отменяет принципы общежития, коллективную ответственность и чувство товарищества. На месте человеческой нравственности появляется «мораль профессионала», где каждый сам по себе, пусть даже он и хорошо делает свое дело. Такому человекоуничтожающему, антигуманному принципу больше всего соответствует массовая культура.

¹ Гайдар Е. Т., Чубайс А. Б. Развилки новейшей истории России. М. : ОГИ, 2011. С. 35.

Современная массовая культура формируется и функционирует, главным образом, в городской среде. Это связано с тем, что именно в городах находят свое отражение последствия индустриализации, которые выражаются в городском образе жизни, большем объеме свободного времени, в развитии СМИ (печать, радио, телевидение), в значительном количестве мест массовых развлечений. Традиционное времяпрепровождение объединяет людей и постепенно формирует социальную базу массовой культуры.

В этих условиях, когда негативные последствия массовой культуры проявляются наиболее рельефно, оказывая негативное влияние на общую культуру, необходимо противостоять именно этим последствиям, а не самой массовой культуре. Городской житель, имея больше соблазнов, опирается на свой культурный опыт, что упорядочивает структуру потребностей и, соответственно, потребление культурных ценностей. Традиционная культура зачастую довлеет над состоянием духовности городского населения. Это совсем не значит, что уровень этой духовности высоконравственный и морально устойчивый. Часто как раз бывает наоборот: именно город с его эрзац-ценностями, уродливой экономизацией культуры, давлением СМИ на человека формирует ущербную «китчевую» культуру.

В современных условиях информационного общества важна такая моральная категория, как эмоциональная культура личности, ее такт и этика поведения. Многие элементы культуры передаются из поколения в поколение, другие усваиваются на определенных периодах жизни, третьи отмирают вместе с изменениями, происходящими в социокультурной жизни. Каждая из культурных форм нравственного поведения зависит от проявления культурных различий, присущих жителям малых и больших городов, мужчин и женщин, молодежи и стариков, людей разных профессий, живущих в разных бытовых условиях.

Разумеется, что новая либеральная культура по своему содержанию неоднородна, равно как и неоднороден либеральный слой нашего общества. «Главным трендом этой новой культуры, в которой слились гордость за “высокую” аристократическую культуру и “низкую” народную, стал бурно развивающийся средний класс».¹ Кроме

¹ Тульчинский Г. Л. Массовая культура не виновата в нашем бескультурье. Она лишь отражает состояние общества // Новая газета. — 2011. — № 123. — 02.11.

того, при характеристике этого вида культуры нужно учитывать социально-демографический аспект, довольно существенно влияющий на культурные предпочтения этого слоя граждан.¹

Характеризуя поликультуризм в современной России, нельзя не остановиться на культурных особенностях все активнее проявляющегося консерватизма как идейно-политического и культурного течения. В самом общем смысле «культурный консерватизм» как определение состояния культуры заключается в том, чтобы наладить компромисс между новыми культурными смыслами, определяющими культурный динамизм, и сохранением патерналистской, консервативно-патриархальной, архаической культуры. Консервативное направление в культуре есть ответ на распад традиционной, национальной культуры, на наметившийся разрыв между культурным идеалом, сложившимся на протяжении многовековой российской истории, и тем уровнем культуры, который стал обыденным в условиях либерально-демократических преобразований. Если охарактеризовать этот тип культуры, то он противостоит модернизации в современной ее интерпретации, призывает к сохранению традиционно-архаической компоненты российского сознания².

В своей книге профессор Добренев В. И. справедливо замечает, что глобализация «делает неизбежными встречи культуры и религий»³. И сегодня в полной мере представить себе поликультурное пространство России без учета религиозной культуры невозможно.

¹ См.: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров // Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь мир, 2011. С. 261–263.

² Для подробного ознакомления с этим направлением общественной мысли, ее истории в России и современного состояния отсылаю читателя к следующим изданиям: «Русское Время» (Журнал консервативной мысли). — 2009. — Август. — № 1; Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009; Добренев В. И. Консерватизм — национальная идеология России // Добренев В. И. Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2011. С. 502–540. Более подробно мы на культуре консерватизма не останавливаемся, т. к. «русский консерватизм» в ноябре 2009 г. на съезде «Единой России» объявлен идеологией партии.

³ См. указ. соч. Добренева В. И. С. 426.

Популярность религиозной культуры в значительной степени связана с длительным отсутствием легитимизации церкви и религии в стране, а также отсутствием государственной идеологии, попытками возродить нравственные начала в повседневной жизни. Поскольку светская мораль и нравственность себя дискредитировали, их место занимают религиозные учения о нравственности. Разумеется, это очень важно, особенно в условиях поликонфессиональной страны, где наличествуют различные религиозные течения.

Многолетние социологические замеры выявили главную тенденцию конфессиональных отношений — они занимают свою мировоззренческую нишу в социокультурной сфере жизни.¹

Рассматривая социальный институт религии, надо исходить из того, что религия прошла сложный путь от отрицания светских культурных ценностей до принятия на себя роли гуманистического начала в современной жизни.

Разнообразие религиозных верований, исторические наслоения настолько усложнили это понятие, что дать общее представление о религии вряд ли возможно.

Религия — это не только вера в Бога, но и определенная деятельность и организация. Кроме того, это жизненная философия, допускающая существование чуда, но при этом не отрицающая социальный опыт и знания.

По данным исследований середины 80-х — начала 90-х годов, население относило церковь к тому виду общественных институтов, от которых оно ожидало защиты своих интересов наряду с армией и президентской властью.

По данным социологических исследований, заметно изменилось отношение к религии политических групп. Оно прошло эволюцию от резко негативного к лояльно-позитивному. Большинство партий и движений России принимают религиозные убеждения как социальную данность и рассматривают религию как необходимое средство для сохранения национального самосознания, развития демократии и идеологического плюрализма. Отдельные политические лидеры неоднократно высказывались в том смысле, что религия и церковь необходимы для помощи в управлении государством.

¹ См.: Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М. : Институт социологии РАН, 2008. С. 123.

Меняется социально-демографический состав верующих, много молодых пытаются найти успокоение в лоне церкви, к религии потянулась интеллигенция. Экономические и социальные потрясения, которые обрушились на страну, привели в число посещающих церковь широкие слои социально незащищенного населения.

Представления о процессах, происходящих в религиозном сознании, согласно социологической методологии, в более полной мере можно представить, определив ядро основного противоречия. Применительно к российским условиям жизни таким ядром социально-го воздействия на религиозное сознание, основным фактором, влияющим на религиозность, служит атеизм.

Атеистические взгляды в российском менталитете складывались в сложных условиях церковного гнета, подавления церковью свободы, что позднее широко использовалось атеизмом как идеология государства. Атеизм в России воспринимался не как отрицание веры в Бога, ниспровержение религиозных идеалов, а как борьба против церковности и отрицание социальных функций религии.

Когда атеизм соединился с властью, а это произошло после революции 1917 года, он стал воинствующим и из прагматической превратился в идеологическую форму контроля за всеми сферами публичной и частной жизни. Воинственный характер атеизма проявился и в запрете отправлять религиозные культы, и в наказании за посещение церкви и соблюдение обрядности, и в разрушении церковей и храмов, и в преследованиях по соображениям свободы и совести. Над религией был установлен государственно-идеологический контроль, что приводило порой к конфликту между церковью и обществом, способствовало развитию скрытой религиозности и оппозиции церкви к государству.

Растиражированные средствами массовой информации образы «маскультуры» на фоне начавшихся социальных конфликтов, вызванных распадом экономических устоев общества, ростом безработицы, привели к переоценке отношения к религии, которое стало более взвешенным, благодаря объективному восприятию роли религии как исторической, культурной и психологической ценности. Религии все больше отводится роль средства социального контроля. Нравственные начала православной религии, наиболее распространенной в России, основаны на общечеловеческих ценностях. С этих позиций церковь и пытается регулировать отношения в обществе.

Религиозная культура, занимая свое место в поликультурной системе отношений, должна четко понимать в лице своих иерархов возможности своего общественного назначения. Религия вряд ли займет ведущее место в светском российском государстве, а православие в одиночку не сможет удержать общество на нужных нравственных началах. Нет других нитей, кроме культурных, которые бы связывали людей прочно в духовном единстве. Помощь религии как важнейшего элемента культуры здесь неопределима. Но при этом нужно видеть основную стратегическую роль религии в многоконфессиональной России. Опираясь на сокровищницу религиозной культуры, церковь призвана определиться с тем, должна ли Россия стать православным государством русского (православного) народа или плюралистическим (многоконфессиональным) демократическим государством всех граждан.

В культурной жизни страны сложились четыре довольно устойчивых культурных слоя людей, которые в целом представляют анклав российского мультикультуризма.

Первый слой — это так называемые традиционалисты, которые связаны генетически и организационно с теми культурными ценностями, что определяли сущность советской культуры, ее лучшие художественные образцы, стимулы и ценности. Этот слой все больше пополняется за счет ностальгирующей части публики и тех людей, которые разочаровываются в ценностях общества потребления, «новациях», чуждых их вкусам и интересам.

Второй слой — представители новых либеральных кругов из числа сторонников рыночных отношений, объявляющих рынок панацеей от всех бед. Это группа населения, наиболее склонная к современному авангарду в искусстве, новым, нетрадиционным формам в культуре, воспринимающая различные формы массовой культуры, считающая, что лидерские качества, которые позволяют ей осуществлять новации в экономике, распространяются и на лидирующие художественные вкусы и инновационные виды искусства.

Третий слой — консерваторы, стремящиеся сохранить лучшие образцы архаического как в политике, так и в духовной жизни. У представителей этого слоя много здравых идей, но они несколько отстают от потребностей современной культуры и не вписываются тем самым ни в глобализационные процессы, ни в общий контекст мировой цивилизации.

И, наконец, четвертый слой — религиозная культура. Ее роль в формировании мультикультуризма в современной России весьма значима. Она значима как по содержанию — ибо является неотъемлемой частью культурно-исторического процесса, так и по распространению, что определяется поликонфессиональным состоянием российского общества.

В силу неустойчивости мультикультуризма в России грани между этими культурными слоями весьма подвижны, и часто можно наблюдать на практике, как культурные ценности того или иного слоя переплетаются друг с другом, что делает наше общество в культурном смысле монолитным и формирует надежду на определение магистрального пути развития культуры.

Разумеется, что эти четыре культурных слоя не охватывают всех сторон нашей культуры. Сегодня имеется определенное число так называемых субкультур. Их представители имеют разные численные рамки (иногда от десятка людей), различные профессиональные и демографические группы. Эти субкультуры чрезвычайно подвижны, могут быстро возникать и так же быстро исчезать. Но не учитывать их нельзя, поскольку они дают представление о полноте поликультурного развития российского общества.

Библиография

1. Гайдар Е. Т., Чубайс А. Б. Развилки новейшей истории России. М., 2011.
2. Тульчинский Г. Л. Массовая культура не виновата в нашем бескультурье. Она лишь отражает состояние общества // Новая газета. — 2011. — № 123. — 02.11.
3. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров // Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М., 2011.
4. «Русское Время». Журнал консервативной мысли. — 2009. — Август. — № 1.
5. Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб., 2009.
6. Добренков В. И. Консерватизм — национальная идеология России // Добренков В. И. Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии. М., 2011.
7. Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) // Отв. ред. М. П. Мчедлов. М., 2008.

8. Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М., 2006.

9. Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения. — 2002. — № 6 (62). — Ноябрь — декабрь.

10. Пивоваров Ю. С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006.

11. Гофман А. Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008.

ГОД ИСТОРИИ В РОССИИ

*ТАХО-ГОДИ Елена Аркадьевна,
доктор филологических наук,
профессор, кафедра истории русской
литературы, филологический факультет,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
заведующая отделом,
Библиотека истории русской философии
и культуры «Дом А. Ф. Лосева»
takho-godi.elena@yandex.ru*

«Мифологическая целесообразность» судьбы / «Mythological advisability» of fate

Аннотация

В статье описывается судьба выдающегося русского религиозного мыслителя, философа и филолога-классика Алексея Федоровича Лосева (1893–1988 гг.). Дается анализ основных этапов творчества и наиболее актуальных для каждого периода тем и проблем. При этом, исходя из собственных лосевских философских представлений, личная судьба мыслителя трактуется из категорий «мифа» и «мифологической целесообразности». Культурно-историческая справедливость реализовалась при создании в Москве Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» как по отношению к самому Лосеву, так и по отношению к русской философии в целом.

Ключевые слова

Миф; отечественная история и культура; русская философия; «Дом А. Ф. Лосева».

Annotation

This article describes the destiny of such outstanding Russian philosopher, philologist and religious figure as A.F. Losev (1893–1988).

The analyses of basic stages of his works, actual themes and issues for every period are given. On the basis of Losev's philosophical insights, the personal destiny of sophist is understood through categories of «muth» and «mythological advisability». Cultural and historical justice was realized through creation of Library of History of Russian philosophy and culture «House of A. F. Losev».

Keywords

Myth; national history and culture; Russian philosophy; «House of A. F. Losev».

Что такое судьба? Может быть, все в жизни происходит случайно? Если же судьба существует, то в чьей она власти — самого человека или каких-то высших сил? Эти вопросы волновали и продолжают волновать умы во все времена. И ученые, и самые обыкновенные люди вынуждены решать эту проблему заново в каждую эпоху. Решал ее для себя и выдающийся русский религиозный мыслитель и филолог-классик Алексей Федорович Лосев. Обозревая историю философской мысли начиная с античности и до XX в., Лосев пришел к убеждению, что, несмотря на великую роль «свободы» в развитии всего человечества, без понятия «судьба» нельзя истолковать ни мировой истории, ни истории отдельной личности. Судьба для Лосева — это проявление особой, высшей, божественной «мифологической целесообразности», которая реализуется все время и повсеместно.

Однако не только осознать, что существует некий высший, мистический замысел о тебе, но и принять полностью «навязанную» извне судьбу далеко не просто для человека. Ведь «мифологическая целесообразность» зачастую требует от личности многих жертв и наполняет ее бытие подлинным трагизмом. Собственная история жизни Лосева¹ демонстрирует это с предельной наглядностью: недаром он еще юношей восклицал: «Лучше страдание со смыслом, чем жизнь без смысла».

* * *

Алексей Федорович родился 23 сентября 1893 г. на юге России, в городе Новочеркасске. Здесь он окончил в 1911 г. классическую

¹ О биографии и творчестве Лосева см.: *Тахо-Годи А. А. Лосев*. 2-е издание. М., 2007 (Серия «Жизнь замечательных людей»).

гимназию. Увлечшись еще гимназистом сочинениями Платона и Вл. Соловьева, Лосев собирался продолжить обучение в Германии, в Лейпцигском университете, чтобы там получить систематическое философское образование.

Дело в том, что еще с середины XIX столетия было резко ограничено изучение философии в российских университетах. К такому решению императора Николая I подтолкнул министр народного просвещения, который, ссылаясь на европейские революции 1848–1849 гг., утверждал: «Польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден». Последствия давали о себе знать и в начале XX в.: так, в Московском университете не было самостоятельного философского факультета, а существовала лишь кафедра философии на историко-филологическом факультете. Правда, к 1910 г. преподавательский состав этой кафедры оказался достаточно сильным — здесь преподавали теперь такие философы, как Л. Лопатин, В. Эрн, Г. Шпет, Г. Челпанов. Читались авторские курсы по патристике, английской философии, современной философии Гуссерля и Бергсона. Это подтолкнуло юного Лосева поступить на историко-филологический факультет, причем сразу на два отделения — философии и классической филологии (позже он стал посещать и Психологический институт, основанный при университете Г. Челпановым). «Разумеется, своих мыслей о Западной Европе я не оставляю. Рано или поздно, но я возьму все нужное для меня из Берлина, Лейпцига и Гейдельберга»¹, — думал он. Но реализовать эти планы не удалось: когда в 1914 г. он приехал в Берлин, чтобы собрать материалы для сопоставления теории абстракции Гуссерля со средневековой схоластикой², разразилась Первая мировая.

С 1910-х гг. Лосев становится участником Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Впервые он пришел в Общество на доклад поэта-символиста и филолога-классика Вячеслава Иванова «О границах искусства», прочитанный 14 ноября 1913 г. С этого времени Лосев часто бывает на заседаниях Общества, ставшего для него основным «плацдармом» для встреч с лучшими русскими философами начала XX в.: с Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, И. А. Ильиным, Е. Н. Трубецким, С. Л. Франком, П. А. Флоренским.

¹ Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...». Т. 2. М.: Время, 2002. С. 372.

² См.: Лосев А. Ф. Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 651.

Защитившего диплом о мироощущении Эсхила, Лосева оставили при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1916 г. появляются его первые публикации — статьи об эрозе у Платона, об операх Верди и Римского-Корсакова. В революционный 1919-й он — профессор Нижегородского университета. В 1920-е гг. — действительный член ГАХН, профессор Московской консерватории и Государственного института музыкальных наук. С 1927 по 1930 гг. Лосеву удается издать свои первые восемь книг — от «Античного космоса» до «Диалектики мифа».

Работы Лосева сразу же обратили на себя внимание мыслителей, высланных Лениным в 1922 г. за пределы России. В рецензии С. Л. Франка «Античный космос» и «Философия имени» были оценены как «новая русская философская система». Резюмируя лосевские «бесконечно сложное и абстрактное построение», Франк писал, что у автора «философия имени совпадает <...> с диалектикой самопознания бытия и тем самым с самой философией, ибо “имя”, понятное онтологически, есть высшая вершина бытия, достигаемая его имманентным самораскрытием»¹.

Зная, чем в СССР могут обернуться похвалы в белоэмигрантской прессе, Франк сообщал Бердяеву в письме от 8 ноября 1927 г., что в рецензии «был осторожен и не договаривал до конца всего, что нужно было бы сказать, ограничиваясь намеками, чтобы не повредить Лосеву»². Но эта осторожность не могла предотвратить грядущих катастроф. «Роковой» в судьбе Лосева стала заключающая его «восьмикнижие» «Диалектика мифа»³. В ней Лосев задался невозможной по советским временам целью — написать философско-богословский трактат об абсолютной мифологии — о Божественной Троице, о понятии ангела, о символике бесплотных сил и т. д. Кстати, подоб-

¹ Франк С. Л. Новая русская философская система // Путь (Париж). — 1928. — № 9. — С. 89–90.

² Письмо не публиковалось. Фрагмент сообщен А. А. Гапоненковым. Об отношениях Лосева и Франка см.: Tacho-Godi E. Zum gegenseitigen Verhältnis von A. F. Losev und S. L. Frank // Kultur als Dialog und Meinung. Beiträge zu F. A. Stegun und S. L. Frank. München, 2008. S. 219–237.

³ Теперь книга переведена на английский, немецкий, испанский, японский, чешский, сербский, болгарский языки. Лучшее русское издание: Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001. Серия «Философское наследие» (т. 130).

ный замысел второй части «Диалектики мифа», частично утраченной из-за ареста автора, — еще один аргумент в пользу того, что Лосев был одним из прототипов главного героя романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» — «трижды романтического» мастера, решившегося в советское время писать роман о Христе и Понтии Пилате¹.

Пронизывающий лосевский текст полемический, почти публицистический тон, необычный для строгого философского исследования, вполне отвечал русской философской традиции, для которой, как писал сам Лосев, характерны жизненность, причастность к реальному социальному бытию и одновременно интерес к до-логическому, мифологическому мышлению². Отсюда дальнейшая разработка в «Диалектике мифа» сюжетов, заданных знаменитым философско-публицистическим сборником «Вехи» (1909)³. При этом лосевское понимание мифа как «существен<ного> онтологическ<ого> тождеств<а> бытия и сознания, когда все бытие есть в основе то или иное сознание (не по своему случайному признаку, но в своей последней субстанции) и когда все сознание есть бытие (точно также)⁴, становилось своеобразным ключом к анализу современной общественно-политической системы и массовой психологии мышления. Философ акцентировал внимание на религиозной подоплеке социально-политических событий, показывал, как отрицание Абсолюта и абсолютной мифологии ввергает личность в духовный и социальный ад, где властвуют различные относительные мифологии, в том числе марксизм.

Современному читателю может показаться, что лосевские выпады по адресу социализма и коммунизма теряются среди теоретических рассуждений о природе мифа и мифологического мышления,

¹ См: Троицкий В. П. Черная шапочка мастера // Троицкий В. П. Разыскания о жизни и творчестве А. Ф. Лосева. М., 2007. С. 87–105.

² См.: Лосев А. Ф. Русская философия // Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М., 1990.

³ О связи этих лосевских идей со статьями Булгакова и Франка из сборника «Вехи» см. мою статью: Тахо-Годи Е. А. А. Ф. Лосев и традиции «веховской» социально-философской публицистики. К 100-летию сборника «Вехи»: 1909–2009 // Научные и учебные тетради Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2010. — Тетрадь № 2. — С. 77–86.

⁴ Цитата из ненапечатанной работы Лосева о немецком философе Николае Кузанском.

но и этих вкраплений было достаточно, чтобы после выхода «Диалектики мифа» Лосев подвергся травле в печати, был осужден на XVI партийном съезде ВКП (б) как классовый враг, арестован 18 апреля 1930 г., а затем отправлен в лагерь на строительство Беломорско-Балтийского канала. При этом был изъят личный архив философа, его корреспонденция середины 1910 — конца 1920-х гг. Осмысляя в 1932 г. все происшедшее в письме, адресованном жене (арестованной вскоре после мужа), Лосев признавался, что он задыхался «в железных обручах советской цензуры» и желание выразить свои мысли превозмогло «всякие соображения об опасности»¹.

В 1933-м, в связи с завершением строительства канала, с Лосева, как и с сотен других лагерных узников, была снята судимость. Он вернулся в Москву, но заниматься философией ему запретили — ему был полностью закрыт доступ в печать до 1953 г., до смерти Сталина. В условиях духовного подполья, в эти четверть века вынужденного безмолвия Лосев продолжает писать. Опираясь на сформулированную в XIV веке св. Григорием Паламой доктрину энергетизма (о сущности Божией и ее энергиях) и на имяславие (религиозно-философское движение начала XX в., среди сторонников которого был П. А. Флоренский), Лосев развивает начатое в 1920-е гг. учение об имени в работах «Вещь и имя», «Самое самб». Здесь на первый план выступают основные лосевские концепты: вещь, бытие, «самое самб», понимаемое как «сущность самой сущности бытия»², «самая подлинная, самая непреодолимая, самая жуткая и могущественная реальность, какая только может существовать»³. В это же время пишутся труды по философии математики (недаром в 1920-е гг. Лосев общается с известными математиками — Д. Егоровым и Н. Лузиным). Среди наиболее важных для него тем — анализ бесконечно малых, теория множеств, теория комплексного переменного⁴. Переводит Платона, Плотина, Секста Эмпирика, Прокла, Николая Кузанского. Занимается античной мифологией. Создает оригинальную философскую прозу, в том числе роман «Женщина-мыслитель», где своеоб-

¹ Лосев А. Ф., Лосева В. М. «Радость на веки» : Переписка лагерных времен. М., 2005. С. 57.

² Из неопубликованной работы Лосева о Николае Кузанском.

³ Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 334.

⁴ Математические труды собраны в книге: Лосев А. Ф. Хаос и структура. М., 1997.

разно преломились идеи Вл. Соловьева и традиции Ф. Достоевского¹. Зарабатывает на жизнь преподаванием античной литературы в провинциальных университетах. Лишь в годы войны (1942–1944 гг.) его допускают читать лекции на только что открывшемся философском факультете Московского университета, но вскоре изгоняют по доносу как идеалиста. С этого времени и до смерти Лосев работает в Московском государственном педагогическом институте имени Ленина на кафедрах русского языка и общего языкознания.

В 1960–1980-е гг. Лосев вновь обращается к философии символа, мифа (книги: «Проблема символа и реалистическое искусство», 1976; «Знак. Символ. Миф», 1982) и языка («Введение в общую теорию языковых моделей», 1968; «Языковая структура», 1983), поднимая вопрос о возможности строгой аксиоматики в языкознании и выдвигая на первый план коммуникативный и интерпретативный акты. Он убежден, что существует две сферы мысли: первая — сфера чистой мысли, область «идей», или иначе «мысль вообще», и вторая — ее земная реализация в языке, или иначе в «непосредственной действительности мысли»². Мысленно развиваемая действительность, по Лосеву, всегда имеет «коммуникативную направленность» потому, что «язык не повторяет чистую и абстрактную стихию мысли, но он ее осуществляет, реализует и заново интерпретирует, чтобы стать ближе к действительности в ее первоначальном и для мышления исходном существовании»³. Американский лингвист С. Шаумян писал, что «закон полисемии Лосева есть самое важное открытие со времени 1930-х гг., когда были сформулированы основные понятия и принципы классической семиотической парадигмы»⁴.

Но главный труд этих десятилетий — создание монументальной восьмитомной «Истории античной эстетики» (1963–1994 гг.), где анализируется тысячелетие античной мысли: от зарождения эстетики и эстетической терминологии в гомеровском эпосе до раннего христианского неоплатонизма и гностиков. К этому труду тематически

¹ Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...». Т. 1–2. М., 2002. О прозе Лосева см.: Тахо-Годи Е. А. Художественный мир прозы А. Ф. Лосева. М., 2007.

² Лосев А. Ф. Языковая структура. М., 1983. С. 150.

³ Там же. С. 148.

⁴ Шаумян С. Диалектические идеи А. Ф. Лосева в лингвистике // Образ мира — структура и целое. Лосевские чтения. М., 1999. С. 376.

примыкают книги «Эстетика Возрождения» (1978) и «Эллинистическо-римская эстетика I–II вв. н. э.» (1979). Если учесть еще и незавершенную работу 1960-х гг. «Средневековая философия», становится очевиден лосевский замысел воссоздания во всей полноте многовековой панорамы европейской эстетической и философской мысли.

Важной вехой последних лет жизни мыслителя стало написание книги о своем духовном учителе — философе Вл. Соловьеве, преданном Советской властью полному забвению. Судьба книги оказалась непростой: на ее краткий вариант, напечатанный в 1983-м, наложили запрет, а тираж сослали в отдаленные места Севера, Средней Азии, Дальнего Востока¹; полный вариант вышел уже после смерти автора.

Лосева не стало 24 мая 1988 г. Символическим итогом его долгой и трудной жизни стало написанное перед кончиной «Слово о Кирилле и Мефодии», о гимназической церкви в честь этих равноапостольных учителей славянских в родном Новочеркасске. Оно было приурочено к празднованию Тысячелетия крещения Руси, к впервые празднуемому Дню славянской письменности. Кончалась советская эпоха, наступал новый отсчет времени, а вместе с тем по-новому стал вырисовываться облик самого мыслителя, считавшего, что все его главные идеи — из работ 1920–1930-х гг. и из неопубликованных рукописей — навсегда канули в небытие. Именно теперь, после его кончины, наиболее явственно стало проявляться то, что мы в самом начале нашей статьи назвали «мифологической целесообразностью» судьбы.

Сначала в России и за рубежом появились отдельные публикации его работ и статей о нем, затем их число стало переваливать за сотни. К настоящему времени библиография лосевских трудов насчитывает более 1000 позиций. К началу 1990-х гг. учениками и друзьями Лосева было создано Культурно-просветительское общество «Лосевские беседы», приложившее немало усилий, чтобы отстоять дом на Старом Арбате, в котором Алексей Федорович прожил более

¹ См.: Тахо-Годи А. А. К 20-летию выхода книги А. Ф. Лосева «Вл. Соловьев» в издательстве «Мысль», Дело о книге А. Ф. Лосева «Вл. Соловьев» // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева. М., 2005. С. 531–552. Серия «Лосевские чтения».

50 лет, чтобы превратить его в подлинный интеллектуальный центр. В 2004 г. здесь открылась Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева», а в 2006-м — бюст мыслителя, оказавшийся первым в России памятником представителю плеяды русских философов. Совсем недавно, 14 декабря 2011 г., в Новочеркасске была торжественно открыта мемориальная доска в честь 100-летия окончания Лосевым гимназии. Во всем этом, несомненно, можно увидеть реализацию как «мифологической целесообразности», так и культурно-исторической справедливости, причем не исключительно по отношению к самому Лосеву. Дело в том, что «Дом А. Ф. Лосева» не только мемориал самому философу, но и всей русской мысли. Здесь проходят международные конференции, научные семинары, «круглые столы», презентации, встречи с исследователями, посвященные изучению русской философии и истории отечественной культуры той эпохи Серебряного века, которая была лосевской «духовной родиной» и хранителем которой он, сам того не предполагая, стал для русской культуры рубежа XX–XXI столетий.

Библиография

1. Лосев А. Ф. [Собрание сочинений: в 9-ти т. М., 1993–2002 — без нумерации томов], тома: «Миф. Число. Сущность» (М., 1994), «Хаос и структура» (М., 1997), «Личность и Абсолют» (М., 1999).
2. Лосев А. Ф. Языковая структура. М., 1983.
3. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М., 1990.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001. Серия «Философское наследие» (т. 130).
5. Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...». Т. 1–2. М., 2002.
6. Лосев А. Ф., Лосева В. М. «Радость на веки»: Переписка лагерных времен. М., 2005.
7. Тахо-Годи А. А. К 20-летию выхода книги А. Ф. Лосева «Вл. Соловьев» в издательстве «Мысль» // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М., 2005. Серия «Лосевские чтения».
8. Тахо-Годи А. А. Лосев. 2-е изд. М., 2007. Серия «Жизнь замечательных людей».
9. Тахо-Годи Е. А. А. Ф. Лосев и традиции «веховской» социально-философской публицистики // Научные и учебные тетради Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2010. — № 2.
10. Тахо-Годи Е. А. Художественный мир прозы А. Ф. Лосева. М., 2007.

11. Троицкий В. П. Разыскания о жизни и творчестве А. Ф. Лосева. М., 2007.

12. Франк С. Л. Новая русская философская система // Путь (Париж). — 1928. — № 9.

13. Шаумян С. Диалектические идеи А. Ф. Лосева в лингвистике // Образ мира — структура и целое. Лосевские чтения. М., 1999.

14. Tacho-Godi E. Zum gegenseitigen Verhältnis von A. F. Losev und S. L. Frank // Kultur als Dialog und Meinung. Beiträge zu F. A. Stegun und S. L. Frank. München, 2008.

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

*БУДАНОВА Мария Александровна,
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории
социологии, Московский педагогический
государственный университет*

budanovama@mail.ru

*КОНОПЛИН Юрий Сергеевич,
доктор политических наук, профессор
кафедры теории и истории социологии,
Московский педагогический
государственный университет*

budanovama@mail.ru

Государственная социальная политика современной России: антропологический подход / The state social policy of modern Russia: anthropological approach

Аннотация

В статье критически оценивается неолиберальная модель, используемая российской властью, доказываются необходимость и перспективность переосмысления природы, роли государства и человека, взаимоотношений между ними на основе антропологического подхода, формирования государственной социальной политики и использования ее в качестве одного из направлений утверждения социального государства и средства модернизации российского общества.

Ключевые слова

Государственная социальная политика; социально-антропологический подход; социальное государство; социальная сфера.

Annotation

In article the neoliberal model used by the Russian power is critically estimated, necessity and perspectivity of reconsideration of the nature are proved, along with a role of the state and the person, mutual relations between them on the basis of the anthropological approach. Formation of the state social policy on this basis and its usage as one of directions to social state and means of Russian society modernization is also proved.

Keywords

The state social policy; the social anthropological approach; the social state; social sphere.

Отказ от социалистической перспективы и перевод России на путь рыночных отношений, формирования демократического и правового государства на основе либеральных ценностей коренным образом изменили социальную реальность, все основные виды взаимодействия. Проводимое властвующей элитой радикальное реформирование экономики, политических и социальных отношений сопровождалось падением жизненного уровня большей части населения и, как следствие, неприятием проводимых реформ, возникновением новых социальных проблем.

В научной литературе, как правило, в числе основных приоритетных социальных проблем называются демографическая проблема, обеспечение достойного уровня жизни, образование, занятость, жилищная проблема, социальная защита населения, охрана окружающей среды и др.

В настоящее время только решение властью социальных проблем может обеспечить успешное развитие России. Выбор средств решения социальных проблем зависит от оценки кризисной ситуации, переживаемой обществом.

К сожалению, в оценке кризисной ситуации, путей выхода из нее в научной литературе нет единства мнений. Одни рассматривают существующий кризис как естественное состояние процесса развития. Отметим, что властвующая элита придерживается такой точки зрения.

Но в научной литературе имеется и прямо противоположная позиция. По мнению академика РАН Осипова Г. В., «страна вышла за пределы допустимого критического уровня, за которым начинается

распад общества и государства, физическая и нравственная деградация человека»¹. С такой оценкой солидарны и авторы данной статьи.

Неолиберальные реформы, с их ломкой отношений собственности, приватизацией природных общенациональных ресурсов, государственного имущества 1990-х гг., привели к неограниченному и неоправданному росту социального неравенства. Имевшее место с начала 2000-х годов увеличение реальных доходов, однако, не только не сократило разрыв в уровне доходов между 10% самых богатых и 10% самых бедных россиян, но он достиг критической отметки. Ныне дифференциация населения по этому показателю составляет 15 раз (в Москве этот коэффициент приближается к 50). Для сравнения: в скандинавских странах показатели данного коэффициента колеблются в пределах от 3 до 4, в среднем по Европе — от 6 до 8)².

Причин, объясняющих переживаемый российским государством кризис, множество. В данном случае нас интересует мировоззренческая, теоретико-методологическая сторона проводимого реформаторами курса по переустройству России.

Либеральная власть для выхода из кризиса, на наш взгляд, руководствуется доставшейся ей в наследство методологией Проекта Модерн, порожденного эпохой Просвещения XVII–XVIII вв., — социоцентризмом, основой которого является требование реконструировать общество по законам науки, на вполне рациональной основе, с его технологическим принципом отношения к миру, обществу, социальной среде, который «...означает, что все феномены общественной жизни, в том числе люди, рассматриваются не в их самоценном значении, а всего лишь как средства...»³, «сырье для фабричной обработки. К ним, соответственно, применяется определение пригодных и непригодных деталей, новых или устаревших. Непригодные и устаревшие подлежат замене»⁴. Из недавней советской

¹ Осипов Г. В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М. : Норма, 2007. С. 66.

² См.: Горшков М. К. Российское общество как оно есть. Опыт социологической диагностики. М. : Новый хронограф, 2011. С. 322.

³ Панарин А. С. Политология : учебник для вузов. М. : Гардарики, 2000. С. 39.

⁴ Там же. С. 41.

истории нам известно, когда большевики применили критерий технологической непригодности к целым социальным классам. Сегодня некоторые реформаторы объясняют провал модернизационного переустройства общества низким качеством населения, отягощенного «советским менталитетом», с комплексом сталинизма, тоталитарного мышления.

В методологическом плане очевидно, что осуществлять поставленную властью задачу модернизации страны на основе методологии социоцентризма в нынешних условиях — малоперспективное занятие, и в этом отношении ориентация части правящей элиты на дальнейшую реализацию Проекта Модерн все больше входит в противоречие с действительными потребностями развития страны. Говоря о модернизации, мы имеем в виду не одну только технологическую ее сторону, но и социальную модернизацию, предполагающую создание инновационной, сильной страны, способной конкурировать в современном мире, обеспечивающую высокий уровень жизни населения, безопасность и т. п.

Для решения задач модернизации нам нужен не просто более усовершенствованный, улучшенный вариант существующей модели государства, а качественно новое государство, которое бы, оставаясь в рыночных условиях, не только бы обеспечило технико-организационное управление модернизацией, но и вернулось бы к выполнению своей социальной функции, одной из базовых, определяющих назначение государства, ибо, однажды освободившись от социальных забот в период рыночных преобразований, оно нанесло тяжелейший удар по социальному, экономическому, культурно-нравственному развитию общества, удар, от которого оно и в настоящее время не освободилось. Несколько лет назад Госдума попыталась оценить урон, нанесенный приватизацией экономическому потенциалу России. Выяснилось, что потери в 2,5 раза превысили потери СССР в Великой Отечественной войне и составили 2 трлн долларов.¹ Кроме того, властвующей элите следует осознать наличие переживаемого Россией системного кризиса, несмотря на внешне сохраняющуюся стабильность в стране.

Эта далеко не полная совокупность факторов объясняет необходимость возвращения государства к управлению социальным развитием, что, однако, возможно только на иной мировоззренческой,

¹ Свободная мысль. — 2005. — № 2. — С. 122.

методологической основе — на базе признания человека в качестве главной цели и основной движущей силы модернизации российского общества.

В этой связи представляется более чем уместным обращение к использованию антропологического подхода в оценке природы человека, государства, в анализе особенностей развития российского общества в прошлом и настоящем, что, конечно, предполагает проведение определенной ревизии существующего понятийного аппарата, обстоятельной критической работы над ошибками предшествовавшей власти — досоветской, советской и современной либеральной власти.

Антропоцентризм — это альтернатива социоцентризму — новый взгляд на соотношение человека и общества, основанный на убеждении, что мир имеет цель развития, которая связана с судьбой человека. Антропоцентризм исходит из признания приоритета личности перед любыми формами социальных сообществ и неотчуждаемости ее естественных прав, неподотчетности индивида как субъекта свободного выбора.¹

В оценке взаимодействия государства и человека в антропологическом измерении в отечественном обществознании (подчеркнуто нами. — **М. Б. и Ю. К.**) можно выделить неолиберальный антропологический подход и антропологический социально ориентированный подход.

«В российском, преимущественно неолиберальном, мышлении возобладала антропологическая детерминанта, предполагающая широкое антропологическое движение при намеренном забвении и полном отстранении государства от дела “социального обустройства”»². Ныне, по прошествии двадцатилетнего эксперимента по внедрению западной рыночной модели в инокультуру другой страны, можно сделать вывод о несостоятельности установки наших реформаторов на либерально-антропологический концепт человека с рациональным по цели, связанным с прагматической стратегией достижения успеха типом социального действия.

¹ Соколова Р. И. Антропологическое измерение российского государства: теория и практика // Антропологическое измерение российского государства // Отв. ред. В. Н. Шевченко. М. : ИФРАН, 2009. С. 103.

² Спиридонова В. И. Эволюция взаимосвязи человека и государства // Антропологическое измерение российского государства. С. 19.

Обогащение как установка на успех не позволит этому человеку выполнить роль преобразователя общества. Стало более чем очевидным, что следование такой методологии однозначно может привести страну к искаженному пониманию реалий и задач осуществления модернизации России, а в конечном итоге — к новому отставанию.

В аспекте антропологического социально ориентированного подхода в исследуемой нами проблеме мы подходим не через традиционное противопоставление государства и человека, характерное для неолиберального подхода, и рассматриваем их не как рядоположенные или параллельные, изолированные друг от друга атрибуты, а как социальные сущности, находящиеся в тесном взаимодействии. «Сегодня, — пишет Спиридонова В. И., — очевидным становится процесс глубокого взаимопроникновения и государства, и человека в макросоциологическом креативном процессе. Свидетельством тому служит такая социологическая реалья, как социальное государство, смысл и суть которого состоит в установлении справедливых отношений в обществе, а цели которого подчинены реализации общего блага как квинтэссенции частного блага. При таком подходе активными полагаются обе стороны взаимонаправленных усилий: и индивид, и государство».¹

Может возникнуть вопрос о том, почему российское государство, а не общество решает проблему качества человека, определяет антропологические параметры российского человека? Для профессора Шевченко В. Н. основанием является российская история, одной из особенностей которой является то, что на протяжении столетий общество было полностью или почти полностью поглощено государством, которое формировало и изменяло его содержательные стороны. Это обстоятельство имело и имеет фундаментальные последствия для российского человека вчера и в обозримом будущем².

Что же нужно, чтобы человек стал наряду с государством субъектом модернизационного переустройства России? Роль и место человека в обществе определяется социальным настроением и само-

¹ Спиридонова В. И. Эволюция взаимосвязи человека и государства // Антропологическое измерение российского государства, с. 10.

² Шевченко В. Н. Антропологическое измерение российского государства: к методологии анализа // Антропологическое измерение российского государства, с. 50.

чувствием субъекта, которые прямо и непосредственно связаны с особенностями социальной сферы и которые влияют в свою очередь на социальную активность и деятельность личности на благо общества. Социальное настроение и самочувствие непосредственно связаны с чувством удовлетворенности различными аспектами жизни: жизнью в целом, семьей, работой, заработной платой, уровнем образования, состоянием здоровья и другими жизненно важными характеристиками социальной сферы. И, напротив, социальная неудовлетворенность приводит к негативным эмоциональным проявлениям, которые на определенное время могут превратиться в устойчивую характеристику личности, определяющую линию поведения и модель реагирования, а в крайней форме могут привести к депрессии.

Благополучие страны, социальное настроение и самочувствие ее граждан определяются состоянием социальной сферы.

К сожалению, приходится констатировать, что отход государства от своих социальных обязанностей в период рыночного реформирования общества самым тяжелым образом сказался на состоянии социальной сферы, которая ныне пребывает в крайне неблагоприятной ситуации, что отражается на социальном самочувствии россиян.

И тем не менее модернизация российского общества не только возможна, но и вполне осуществима. Базовой теоретической основой практического решения проблемы модернизации является наше предложение анализировать сущность, природу государства и человека, а также взаимодействие между ними в антропологическом измерении, что позволяет рассматривать их как две социальные сущности. При таком подходе, с одной стороны, главной целью государства по определению объявляется человек, а с другой стороны — собственно человек, соотносимый и взаимодействующий с этим государством, заявляет о себе субъектом, и они вместе могут выступать субъектами модернизационного преобразовательного процесса.

Хорошо просматривается креативность, ценность рассмотрения антропологического измерения взаимодействия государства и человека с синергетической точки зрения. Из синергетики известно, что целое не равно совокупности частей, его составляющих. Социальное государство является результатом не просто наличия государства и человека, оно становится таковым вследствие специфических взаимодействий, рассматриваемых в антропологическом ключе.

Средством, обеспечивающим осуществление модернизации, может быть проведение властью государственной социальной политики (ГСП).

Признание ГСП, с одной стороны, не отрицает важности и необходимости заниматься развитием экономики, военного переоснащения российской армии, развитием науки и техники, нанотехнологий, урегулированием межнациональных отношений в федеративной стране, реформированием политической системы и т. д.: в обществе, которое переживает системный кризис, все проблемы являются главными.

Обычно преобразования в обществе начинают с экономики, что позволяет решать проблемы материального благополучия. Не исключая экономического фактора, на наш взгляд, следует начать с ГСП, акцентируя обратную сторону, а именно активное воздействие человека на экономику, общество в целом. История дает нам примеры, когда в условиях преобразований человек, воспринимая заявленную властью цель как свою собственную, принимает активное участие в преобразованиях, соглашаясь ради достижения общей цели на самоограничение. В частности, в СССР в период формирования основ социализма население активно участвовало в проводимых властью процессах индустриализации, преобразованиях сельского хозяйства, культурной революции и др., сознательно ограничивая свой уровень материального благополучия.

Ныне, отмечают социологи, складывается парадоксальная картина, в корне отличающаяся от той, что имела место в период строительства основ социализма, когда «улучшение материального положения граждан не приводит к новому уровню качества их жизни»¹, когда *«достижительные мотивации в ней, хотя и медленно, но распространяются все шире, а распространения являющегося их естественной предпосылкой в обществах модерна, установок на инициативу, предприимчивость, инновационность и т. д. не фиксируется»*².

Прорыву в качестве жизни препятствует состояние, атрофия социальных функций некоторых институтов и сфер российского обще-

¹ Носкова А. В. Проблемы социального благополучия россиян // Социальные проблемы кризисного общества / Под ред. проф. Л. И. Михайловой. М.: Дашков и К°, 2011. С. 88.

² Горшков М. К. Российское общество как оно есть. Опыт социологической диагностики. С. 296.

ства. И это обстоятельство еще более подчеркивает необходимость принятия властью иной ГСП. Это подтверждается социологическими исследованиями последних лет. Так, отвечая на вопрос о том, чьи интересы должно защищать государство — отдельного человека или общества в целом — «убеждены в том, что государство должно всегда отстаивать интересы народа перед интересами отдельной личности, почти 60% россиян, не согласны с этим — 19%, а остальные не могут четко определить свою позицию по данному вопросу».¹

Что есть государственная социальная политика? В литературе широко распространено представление, что проводимая властью социальная политика и есть государственная социальная политика. На самом деле, ГСП и социальная политика, проводимая властью, понятия близкие, но не тождественные. Они только в формально-логическом отношении подобны друг другу, потому что их объединяет один носитель — государство. Но по содержанию ГСП принципиально отличается от социальной политики, проводимой государством. Под ГСП понимается не просто социальная политика, проводимая властью в виде какого-то набора мер, решающих зачастую тактические задачи по улучшению социального положения человека, отдельных групп, социальной защиты и т. п., но именно государственная, что в содержательном отношении представляет собой качественно другой уровень, когда социальная политика представлена в виде стратегической программы, адекватно соответствующей заявленной цели, с четкой артикуляцией цели, принципов, на которых она выстроена, фиксацией основных направлений, с указанием субъектов, участвующих в ее осуществлении, принципов сотрудничества в реализации программы, методах и формах ее организации и проведении. В этом плане можно сказать, что такой ГСП не было ни в досоветский, ни в советский, ни в постсоветский периоды истории. Отражением этого являлось отсутствие ответственного за проведение социальной политики государственного учреждения (министерства). И ныне, например, властвующая элита, многие управленцы не видят необходимости в создании такой государственной структуры, ссылаясь на то, что социальной политикой занимаются все профильные министерства: экономического развития, образования и науки, минздравсоцразвития, туризма и спорта,

¹ Горшков М. К. Российское общество как оно есть. Опыт социологической диагностики. С. 228.

социальное страхование и т. д. и т. п., т. е., как видим, социальная политика, проводимая государством, «размазана» по ведомствам, что, на наш взгляд, делает затруднительным для государства исполнение им социальной функции.

К сожалению, одной из трудностей формулирования ГСП, адекватной заявленному курсу на модернизацию современной РФ, является то, что власть до сих пор не смогла определиться не только с выделением ГСП в качестве относительно самостоятельного направления в деятельности государства, но и четко сформулировать свое понимание модернизации, ее целей, социальных функций, соответствующих государству в его антропологическом измерении.

В системе ГСП одним из центральных направлений деятельности государства выступает государственная семейная политика. Семья по определению является малой социальной общностью, важнейшим человекообразующим социальным институтом, как и школа, прямо и непосредственно участвующим в реализации заказа государства на антропологический формат российского человека, адекватного модернизации. Исходя из такой решаемой семьей цели, она вполне могла бы выступить у государства в качестве национальной идеи. Все люди, начиная от рождения в семье, в которой закладываются основы будущего человека, и в последующие годы продолжают жить в той или иной форме под влиянием семьи. Несмотря на переживаемый кризис семьи, семейных отношений, тем не менее большинство россиян связывают свою жизнь с семьей, которая является важнейшим звеном социальной среды, определяющим социальное настроение и самочувствие.

В преодолении переживаемого институтом семьи кризиса многое зависит от того, на какой основе — эмоциональной, психологической, нравственной, материально-экономической — создается семейный союз, но велика в этом и роль, социальная ответственность государства, которая должна выражаться не только в улучшении материального положения семьи, но и в создании благоприятных условий, обеспечивающих подготовку, воспитание и развитие детей, будущих активных созидателей России.

В современных условиях развития социальной среды необходимо переосмыслить отношение государства к экономической поддержке населения, культуры, других сфер и перейти от роли «государства-мецената» к роли «государства-инвестора», предполагающего реализацию инвестиционных проектов в соответствии

с целями ГСП. Оказание материальной, экономической помощи населению — это не благотворительность со стороны государства, бизнес-сообщества, неправительственных организаций и фондов, а необходимые инвестиции в человека, без которых невозможна модернизация России.

Модернизация системы ГСП есть средство консолидации российского социума, механизм его выживания и поступательного развития в условиях «общества риска».

Для модернизации существующей ныне у российского государства социальной системы управления предлагается выстраивать ее на принципах социально ориентированного управления, под которым понимается воздействие управляющей системы, направленное не только на удовлетворение нормативного уровня социально значимых потребностей, но и на качественное улучшение этого уровня. Во всех элементах системы ГСП она должна осуществляться в рамках единой социально ориентированной стратегии, включающей в себя достойные социальные стандарты жизни населения, а главным принципом социально ориентированного управления ГСП выступает социальная ответственность государства.

Помимо государственных органов, представляющих общенациональный интерес, в систему социально ориентированного управления ГСП должны входить и другие социальные субъекты модернизации:

- институты гражданского общества, выражающие социальные интересы и самостоятельную инициативу объединений граждан, свободной, творчески активной личности, которая в условиях инновационной экономики становится ключевым звеном общественного, социального прогресса;
- национально-ориентированные промышленники и предприниматели, активные представители некоммерческих организаций и объединений, профессионально подготовленной молодежи и студенчества. В ближайшем будущем новой движущей силой должны стать инженеры, ученые и специалисты, из которых будут сформированы новые управленцы и национально-ориентированная элита, способная осуществить стоящие перед страной научно-технические, социально-экономические, нравственно-культурные задачи развития российского общества. При этом отметим, что государство должно в этой структуре играть роль координатора.

Разработка, принятие и исполнение решений в социальной сфере должны проходить в диалоговом режиме между основными субъектами социальной политики через механизмы частно-государственного и социального партнерства, предполагающие их взаимную социальную ответственность.

В рамках социально ориентированного подхода возникает необходимость прямого участия населения в ГСП, в том числе в обсуждении социально значимых проблем, чтобы их решение получало поддержку общественного мнения.

Библиография

1. Горшков М. К. Российское общество как оно есть. Опыт социологической диагностики. М., 2011.
2. Носкова А. В. Проблемы социального благополучия россиян // Социальные проблемы кризисного общества / Под ред. проф. Л. И. Михайловой. М., 2011.
3. Осипов Г. В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М., 2007.
4. Панарин А. С. Политология. М., 2000.
5. Свободная мысль. — 2005. — № 2.
6. Соколова Р. И. Антропологическое измерение российского государства: теория и практика // Антропологическое измерение российского государства / Отв. ред. В. Н. Шевченко. М., 2009.
7. Спиридонова В. И. Эволюция взаимосвязи человека и государства // Антропологическое измерение российского государства / Отв. ред. В. Н. Шевченко. М., 2009.
8. Шевченко В. Н. Антропологическое измерение российского государства: к методологии анализа // Антропологическое измерение российского государства / Отв. ред. В. Н. Шевченко. М., 2009.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

*ДМИТРИЕВ Анатолий Васильевич,
член-корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор,
Учреждение Российской академии наук
Институт философии РАН, Москва
miskp@mail.ru*

Скандал: социокультурные подходы¹ / Scandal: sociocultural approaches

Аннотация

В статье рассматриваются различные социокультурные подходы в рассмотрении такого сложного социального феномена, как «скандал».

Ключевые слова

Скандал; конфликт; элиты; функция; социокультурные подходы.

Annotation

In this article the different sociocultural approaches to such difficult social phenomenon as «scandal» are presented.

Keywords

Scandal; conflict; elites; function; sociocultural approaches.

Этимологические трудности. Слово «скандал» можно связать с немецким *skandal*, французским *scandale*, латинским *scandalum*. В русском языке «скандал» обычно ассоциируется с дебошем, а также с происшествием, позорящим его участников и получившим широкую огласку. Длительное время скандал был связан со сферой морали.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 110300645а.

Ныне же немногочисленные исследования этого феномена связывают его со всеми областями современной жизни, включая политическую и коммуникационную. Именно поэтому существует известный разнобой в оценке проявления и последующей трансформации многочисленных скандалов, ставших неотъемлемой частью человеческих отношений.

Сейчас, когда мы используем термин «скандал», то легче достичь согласия в осознании его характерных признаков, в определении его сути, чем при попытках применить эти признаки и определение к какому-нибудь конкретному явлению при оценке его принадлежности к скандалу. Так, в современных западных изданиях скандал рассматривается как:

1. «Разрекламированный инцидент, приводящий к позору или оскорбляющий нравственное самосознание общества (“допинг-скандал заставил мэра подать в отставку”).

2. Человек, сущность или обстоятельство, которые вызывают или могут вызвать бесстыдство и безобразие: политик, о нечестности которого стало известно, — скандал.

3. Ущерб репутации индивида в связи с публичным раскрытием аморального или крайне некорректного поведения; позор.

4. Вредные для репутации пересуды; компрометирующие сплетни¹».

Аксиологический подход. В отечественной философии наиболее заметен аксиологический подход, где делаются попытки раскрыть этическую основу скандала через понятие «нрав» (А. А. Гусейнов); где особой проблемой является соотношение нравов и нравственности. Приведем его аргументы: «Существует традиция рассмотрения нравов как реальной нравственности. Здесь прослеживается философский авторитет Гегеля, который видел в нравах нравственность в ее непосредственном существовании. Связь нравов с нравственностью является более конкретной и тесной, чем с другими институтами (правом, религией, политикой, наукой и др.), они в известной степени тянутся друг к другу: всякое сообщество, считая свои нравы не просто фактически принятыми, привычными формами поведения, но еще и образцовыми, имеет тенденцию считать их также образцовыми по существу и в этом смысле нравственно значимыми. Общественные нравы, рассмотренные под интере-

¹ <http://www.thefreedictionary.com/scandal>

сующим нас углом зрения, имеют как минимум две линии напряжения, которые чреваты возможностями скандала: это — границы между общепринятыми стандартами поведения и индивидуальными поступками, а также между устойчивостью нравственных канонов и их изменчивостью. Эти линии между собой разнообразно перекрещиваются. Нравы как обобщенные нормы и оценки являются некой усредненной характеристикой неисчислимого множества индивидуальных действий; последние никогда полностью не умещаются в них. Однако в случае скандала речь идет вовсе не о том, что индивидуальное действие богаче общей нормы, а о том, что оно нарушает общую норму, попирает ее. Рассмотренные в этом аспекте, скандалы не равны друг другу...»¹

Нравственность, как бы тесно она с нравами связана ни была, к ним не сводится, более того, всегда находится в известном критическом отношении к ним.

А. А. Гусейнов считает, что расхождение нравственности и нравов (расхождение не случайное, а вытекающее из сути этих феноменов и заложенное в самой основе их взаимоотношений) является также критерием, позволяющим проводить ценностную селекцию скандалов, определяя, является ли скандальное выпадение из общепринятых схем поведения также нарушением лежащих в их основе нравственных принципов или стремлением найти для последних более совершенное воплощение. Словом, скандал в качестве элемента общественных нравов амбивалентен, амбивалентен именно в ценностном отношении.

Конфликтологический подход. Принято считать, что любой конфликт имеет как позитивные, так и негативные характеристики. Точно так же могут оцениваться и последствия конфликта. При всей упрощенности такого понимания, несомненно, обнаруживается его функциональная черта: «конфликт очищает воздух» (Зиммель, Ко-зер).

Скандал как общественное явление уже по определению попадает в предметное поле конфликтологии. Следовательно, его функциональность вряд ли вызывает сомнение, хотя на уровне эмпирического доказательства возникают заметные трудности.

¹ Гусейнов А. А. Аксиология скандала // Сборник «Наука в XXI веке». М. : Изд-во СГА, 2012. С. 11.

Первая заключается в невозможности категорического ответа на вопрос: как расположить значимые признаки скандала по уровням анализа — межличностного, группового и межгруппового? Вторая — как определить переменные, характеризующие историю взаимоотношений на упомянутых выше уровнях? В любом скандале присутствуют игроки с индивидуальными стилями и принятыми групповыми нормами поведения. Они всегда проявляются в открытом и интенсивном конфликте. И, наконец, самым важным является ответ на вопрос: скандал является проявлением реального конфликта, т. е. конфликта, основанного на имеющихся противоречиях интересов, ценностей и идентификаций, или это проявление «псевдоконфликта», представляющего собой специально разыгранный спектакль (перформанс)?

Перечисленные выше трудности можно дополнить целым списком, что в конечном итоге ставит перед исследователем альтернативу — поддержать противоборство сторон или стремиться к его смягчению, т. е. встать, не важно — намеренно или нет, на позиции одной из сторон.

Политологический подход. Скандал в политической среде чаще всего характеризуется большой интенсивностью, т. к. его участники отвергают базовые ценности друг друга, поскольку идет борьба за доминирование. Каждый из участников скандала считает себя находящимся под угрозой, т. к. его стремление к обладанию или удержанию власти блокируется противоположной стороной.

Другая особенность конфликта заключается в том, что скандал все чаще используется в утилитарных целях. Замечено, отдельные группы политиков ответственны за инициализацию и исход многих скандалов, характерных для политических отношений не только развитых демократических государств, но и стран с авторитарными режимами. Впрочем, в последних они обладают некоторыми своеобразиями («дозированность» информации, усиление контроля над СМИ, цензура текстов, «слуховая» интерпретация и т. д.) В любом случае скандал выглядит как своеобразная форма конфликта, которая состоит в выдвигании неблагоприятных оценок политического противника в целях его дискриминации. В этом смысле скандалы можно назвать «патологией» — термином, имеющим смысл лишь в связи с понятием «норма» (А. К. Зайцев). Поскольку содержание последнего понятия меняется, вместе и на основе изменения самого

общества, то меняется и характеристика патологии. Существует точка зрения, согласно которой скандалы более характерны для либеральных режимов, поскольку они свидетельствуют о наличии свободы СМИ и ответственного общественного мнения.

Функциональные характеристики. Некоторые функциональные признаки конфликта в обобщенном виде, на наш взгляд, могут быть применены к оценке воздействий скандалов. В целях аргументации можно напомнить, что в целом позитивные функции сводятся к сплочению конфликтующих групп, стимулированию изменений, разрядке напряженности, «сигнальному флажку», предотвращению более интенсивных (с применением насилия) столкновений и т. д. К негативным (дисфункциям) принято относить риски дезинтеграции общества и его отдельных групп, подчинение одних членов общества групп другим, возрастающий «тренд» к насилию, агрессии. Заметим, что теоретическое соотношение этих (позитивных и негативных) функций до сих пор не выявлено, а на практике все зависит от субъективных оценок как самих участников, так и от свидетелей. Что касается анализа функций скандала как специфической формы самого конфликта, то обратим внимание на тот факт, что ныне скандалы стали тщательно организовывать, использовать и получать ожидаемые, а чаще всего малоожидаемые результаты. В вечной борьбе индивидов и групп за престиж и власть они стали чрезвычайно полезными, поэтому попросту равнодушно ожидать их последствий было бы опрометчивым занятием. Как исследователю-конфликтологу, мне представляется, что функции скандала не только противоречивы, но и достаточно сбалансированы. Во всяком случае среди позитивных наугад можно дополнительно назвать такие, как информационная (сигнальная), образовательная, «очищающая», уравнивающая и прочие.

Осуждения же скандалов со стороны элит свойственны лишь людям, относящим себя к победителям жизни и желающим наслаждаться своими успехами и забывающим тот факт, что побежденные их презирают и ненавидят, ждут удобного времени для реванша. Оправдать свое поражение проигравшие могут лишь воображением своих высоких моральных качеств: благородством, великодушием, прямоотой и честностью. Они постоянно занимаются самооправданием и ждут шанса, когда победители оступятся и тогда все увидят, какие те мерзавцы и прелюбодеи.

На этом фоне любой скандал, даже семейный, проникнут высокой идеей — извечной идеей равенства и справедливости; не важно, какие люди в нем участвуют. Поэтому в какой-то степени очистить скандал от незаслуженных им осуждений со стороны властей и нуворишей, политиков и коммуникаторов, а также «массовидных» людей представляется благочестивым занятием.

Те или иные виды скандалов, взятые вместе для иллюстрации этого замысла, составляют не просто перечень политических действий последних десятилетий, но своего рода обобщение множества эмпирических материалов с их характеристиками отдельных людей, попавших под наблюдение, иногда довольно поверхностное.

И, наконец, еще раз о позитивной функции. Информация о скандале достаточно психотерапевтична — переживания вовлеченных в этот скандал облегчают собственные страдания. Потребляя информацию, которая ставит его хоть на мгновение выше скандалиста, человек утверждает себя в мнимо высоком социальном статусе, поскольку он может как дистанцироваться от случившегося, так и «косвенно поучаствовать» в процессе. Зачастую посредством скандала человек, торжествуя, доказывает свою правоту и успокаивает свои сомнения. Благодаря скандалу он может, чаще всего неосознанно, получить данные, которые могут ему пригодиться для совершенствования и своего поведения. Особенно это важно для профессионального политика, цель которого обезопасить себя, подавив конкурента. Такая цель довольно утилитарна, она характерна в общем-то для всех прагматиков. Политик же масштабного уровня все же понимает: любое недовольство напоминает скопление пара в котле и его, конечно, следует выпускать. К сожалению, а может быть и к удовольствию, никто из упомянутых типов политиков не может знать предполагаемого объема выпуска пара и технического состояния самого котла и его клапанов.

Итак, подведем некоторые предварительные итоги: потребители информации о скандалах, часто мнимо, повышают свой статус и место в социальной иерархии, подтверждают свое, чаще всего скрываемое, негативное мнение о других и заодно обо всех представителях элит, испытывают терапевтическое ощущение в виде удовольствия, а также желание обсудить факт, полученные сведения с теми или иными людьми, т. е. расширить свое коммуникационное пространство.

В российском обществе скандал играет особо важную роль как один из немногих доступных населению способов социального и информационного обменов. Впрочем, лишь несколько немногочисленных групп, включая интеллектуалов, относятся к факту скандала с явным неодобрением, считая его провокационным и ненужным действием.

Библиография

1. Гусейнов А. А. Аксиология скандала // Сборник «Наука в XXI веке». М., 2012.
2. <http://www.thefreedictionary.com/scandal>

РУССКИЙ МИР

*ХАЗОВА Наталья Викторовна,
аспирантка, кафедра теории и истории
искусства, факультет теории и истории
искусства, МГАХИ им. В. И. Сурикова
natasha130989@mail.ru*

Санкт-Петербург сквозь призму художественных взглядов Александра Бенуа / Saint Petersburg through the views of Alexandre Benois

Аннотация

В данной статье Александр Бенуа представлен как исследователь архитектурных стилей Петербурга. В статье рассматривается эволюция взглядов Александр Бенуа на архитектуру города. Анализируются причины этой эволюции.

Ключевые слова

Русское искусство начала XX века; классическая архитектура Санкт-Петербурга; художественные взгляды Александра Бенуа.

Annotation

In the article Alexandre Benois is presented as a researcher of architectural styles of Saint Petersburg. The article explores the evolution of artistic views of Alexandre Benois. The reasons of this evolution are analyzed.

Keywords

Russian art of the beginning of the twentieth century; classical architecture of Saint Petersburg; artistic views of Alexandre Benois.

Сейчас Санкт-Петербург считается одним из самых красивых городов мира, он награжден такими эпитетами, как «Северная Паль-

мира», «Северная Венеция». В наше время трудно представить, что на протяжении нескольких десятилетий XIX века классический архитектурный облик города отрицался как лишенный эстетической ценности. В конце 1890-х годов произошли значительные перемены в восприятии петербургской архитектуры барокко и классицизма. В это время в творчестве художников, связанных с художественным объединением «Мир искусства», возникает интерес к памятникам петербургской архитектуры XVIII — первой трети XIX века. Таким образом было положено начало базовой переоценке художественной ценности старинной петербургской архитектуры.

Александр Николаевич Бенуа сыграл в процессе «реабилитации» Петербурга особую, если не главную роль. Будучи одним из наиболее ярких представителей объединения, он активно участвовал в «возрождении» петербургской старины, недооцененной или несправедливо забытой к концу XIX века. Александр Бенуа занимался темой петербургской архитектуры не только как художник, но и как теоретик искусства. Благодаря его художественной и искусствоведческой деятельности произошло осознание архитектурных достоинств классического Петербурга.

Петербург имел совершенно особое значение для Александра Бенуа и как для художника, и как для человека. Будучи уроженцем города, Бенуа на протяжении всей своей жизни сохранял привязанность к нему. Графические работы, многочисленные статьи, посвященные Петербургу, в таких художественных журналах, как «Мир искусства», «Художественные сокровища России», «Старые годы», наглядно показывают, какое место занимал этот город в творчестве Александра Бенуа.

«Петербургская тема» в его творчестве заявила о себе в самом начале XX века, но истоки «культы Петербурга» восходят к ранним годам жизни художника. Сам город способствовал формированию художественных вкусов Бенуа. С конкретных впечатлений, которые были получены будущим «мирискусником» еще в детстве, началось увлечение петербургской стариной. Так, семья Бенуа жила на Никольской улице, около собора Николы Морского. Как пишет художник в своих воспоминаниях, «...от этого “интимного” знакомства с чудесным произведением XVIII века родилось мое восторженное отношение к искусству барокко»¹. Кроме того, Бенуа-ребенок много

¹ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М. : Наука, 1990. В 5 кн. Кн. I, ч. I, гл. 1, с. 14.

времени проводил в Петергофе, и эти петергофские впечатления на всю жизнь оставили след в душе художника. Уже в юном возрасте начал зарождаться «культ эпохи барокко», который в дальнейшем проявится в творчестве Александра Николаевича.

Несомненно, интерес к архитектуре Петербурга возник у Бенуа благодаря той среде, которая окружала его с самого детства. Семья, в которой рос художник, имела непосредственное отношение к архитектуре. Отец будущего «мирискусника», Николай Бенуа, был архитектором, работавшим в стиле эклектики. Брат Александра Николаевича, Леонтий Бенуа, также был архитектором.

Тот факт, что отец Бенуа в своем архитектурном творчестве тяготел к эклектике, сыграл важную роль в формировании художественных пристрастий Александра Николаевича. Эклектика подразумевала глубокое знание различных архитектурных стилей прошлого. Хотя в течение «мирискуснического периода» своей жизни Александр Бенуа отрицательно относился к эклектике, нельзя не признать, что она способствовала развитию интереса к архитектурным стилям и их тонкого понимания.

Кроме того, семейная атмосфера, в которой царила любовь к театру, музыке, литературе, положила начало тем универсальным познаниям в разных областях искусства, которыми известен Александр Николаевич.

Не менее важную роль в становлении художественных взглядов Бенуа сыграл художественный кружок, предшествовавший возникновению «Мира искусства». Гимназический, а затем студенческий кружок, который сами участники называли «обществом самообразования», собрал во второй половине 1880-х — начале 1890-х годов будущих «мирискусников». Александр Бенуа был лидером «общества». Интересы кружка охватывали разные сферы культуры: живопись, музыку, театр, книги. Именно здесь началась та «романтизация прошлого», которая в итоге привела к пассивизму Бенуа.

Александр Бенуа обладал особым «чувством прошлого». Для него прошлое неразрывно связано с настоящим, точнее, он сам ощущал свою неразрывную связь с прошлым. Это чувство возникло в юные годы художника также благодаря его семейному окружению. По словам самого Бенуа, «... тут сказались то, что в своем престарелом отце я имел “живое прошлое”». В его рассказах, в его рисунках воскресал не “сегодняшний” день — а времена его далекой молодости и детства. Я и XVIII век мог считать своим уже потому, что мне через моего

деда, родившегося еще в дни Людовика XV, Фридриха II и Екатерины II, было «как рукой подать» до той эпохи»¹. В дальнейшем пессимизм Бенуа стал неотъемлемой частью его мировоззрения. Художник ощущал себя «свидетелем» минувших событий, «современником» минувших эпох.

Художник погружался в минувшие эпохи, не теряя при этом связи со своим временем. Иногда в своих стремлениях «вернуть к жизни» прошлое Бенуа доходил до настоящего «визионерства». И в то же время художник осознавал, что прошлое безвозвратно ушло и появиться снова оно может только во сне, в мечтах. Бенуа искал возможность «воскресить» прошлое в настоящем. Его мечта о проникновении в ушедшее время была реализована в мире музыки и театра.

Определяющим оказалось знакомство с музыкой Петра Ильича Чайковского — для Бенуа она «открыла двери» в прошлое. Увиденные Александром Николаевичем музыкальные спектакли — балет «Спящая красавица» и опера «Пиковая дама» — обострили тот «зов минувшего», который слышал художник. По мнению Бенуа, «Петр Ильич, несомненно, принадлежал к натурам, для которых прошлое-минувшее не окончательно и навсегда исчезло, а что продолжает как-то жить, сплетаясь с текущей действительностью. <...> Его тянуло в это царство теней <...>... в этом царстве теней продолжают жить не только отдельные личности, но и целые эпохи, самая атмосфера их»².

В контексте «петербургской темы» музыка Чайковского, по словам художника, пробудила в нем «дремавшее угадывание прошлого»³. Это касается «Пиковой дамы», благодаря которой Бенуа сумел до конца понять своеобразную атмосферу Петербурга. Если раньше Александр Бенуа ценил только отдельные черты, присущие Петербургу, то теперь он оценил всю городскую среду в целом, всю «личность» города. Опера помогла художнику избавиться от некоторых стереотипов по отношению к Петербургу, пересмотреть свой взгляд на то, что раньше казалось «суровым» и «казенным».

Увлечение музыкой Чайковского позволило Бенуа постичь «душу» города и почувствовать свою «душевную связь» с ним. Музыка выявила нечто нематериальное, наполняющее атмосферу города; это

¹ Бенуа А. Н. Указ. соч. Кн. I, ч. I, гл. 23. С. 182.

² Бенуа А. Н. Указ. соч. Кн. III, гл. 8. С. 602–603.

³ Бенуа А. Н. Указ. соч. Кн. III, гл. 12. С. 652.

«нечто» было определено художником как «душа», поскольку «душа по-настоящему только и может проявляться и общаться с другими душами посредством музыки»¹. Насколько это было ново — открыть «душу» у города, который считали лишенным души! С этого времени художнику открылась вся поэтичность Петербурга; и не только архитектура барокко, которую Бенуа полюбил еще в раннем детстве, но и архитектура классицизма вошла в круг его художественных интересов.

Наряду с музыкой театр стал источником пассаеизма Бенуа. В театре нашли свое воплощение свойственные Бенуа «грезы наяву». Только здесь возможно существование уже давно минувших эпох, поскольку театр может перенести зрителя в любое историческое время. Здесь осуществлялась мечта художника — прошлое становилось настоящим, греза превращалась в реальность. Но эта реальность призрачна, обманчива, как сон. Она ускользает, она вот-вот исчезнет, растворится. В театре прошлое воскресает на время, чтобы снова уйти в небытие.

С детских лет Александр Бенуа был окружен миром театра — часто посещал спектакли и даже имел свой театр марионеток. Театральная атмосфера была для него естественной, неотъемлемой частью жизни. Неудивительно, что страстное увлечение театром сохранится на протяжении всей художественной жизни Бенуа.

Взгляд на историю через призму театра всегда будет присутствовать в «пассаеистских» работах Бенуа, в том числе и в работах, посвященных прошлому Петербурга. Воздействие театра сказывается на трактовке архитектурного пейзажа Петербурга. Бенуа превратил петербургские улицы и площади в подобие огромных сценических площадок, а здания — в подобие огромных театральных декораций. Этот странный город-театр населяют «призраки из прошлого», явившиеся художнику.

В 1899 году Александр Бенуа вернулся в Россию из Парижа, где он провел несколько лет (с конца 1896 года). С этого времени он обращается к теме петербургского архитектурного облика в своей критической деятельности и в художественной практике.

В период с 1899 по 1904 год в ведущих художественных журналах печатают статьи Бенуа, посвященные старинной петербургской архитектуре. Сама стилистика этих статей, сочетающая точный, ост-

¹ Бенуа А. Н. Указ. соч. Кн. I, ч. I, гл. 1. С. 13–14.

рый взгляд знатока с воодушевлением и восхищением творческого человека, не могла оставить читателей равнодушными. Александр Бенуа положил начало тому «романтическому» отношению к Петербургу как к «совершенному образцу» города XVIII столетия, каким он предстает в живописи и графике «мирискусников».

Статьи посвящены ансамблю города в целом («Живописный Петербург»¹, «Архитектура Петербурга»², «Красота Петербурга»³), а также отдельным памятникам архитектуры Петербурга и его пригородов («Инженерный замок»⁴, «Катальная гора в Ораниенбауме»⁵, «Монплеизир»⁶, «Строгановский дворец и Строгановская галерея в Санкт-Петербурге»⁷, «Китайский дворец в Ораниенбауме»⁸, «Петергоф в XVIII веке»⁹). В своих статьях Бенуа выступает «консерватором» в самом лучшем смысле этого слова. Рассматривая архитектурное наследие города, художник строго ограничивает хронологические рамки. Памятники, которые его интересуют, относятся к эпохам барокко и классицизма; дальнейшее развитие петербургской архитектуры представляется искажением оригинального и цельного облика Петербурга. Актуальность статей Бенуа заключалась не только в том, что он обратил внимание на эстетическое совершенство петербургских строений XVIII — первой трети XIX века, но еще и в том, что он

¹ Бенуа А. Н. Живописный Петербург // Мир искусства. — 1902. — Т. 7. — № 1. — С. 1–5.

² Бенуа А. Н. Архитектура Петербурга // Мир искусства. — 1902. — Т. 7. № 4. — С. 82–85.

³ Бенуа А. Н. Красота Петербурга // Мир искусства. — 1902. — Т. 8. — № 8. — С. 138–142.

⁴ Б. Вениаминов. Инженерный замок // Мир искусства. — 1900. Т. 1. — № 1. — С. 75–76.

⁵ Б. Веньяминов. Катальная гора в Ораниенбауме // Мир искусства. — 1900. — Т. 1. — С. 159–160.

⁶ Бенуа А. Н. Монплеизир // Мир искусства. — 1901. — № 2–3. — С. 121–124.

⁷ Бенуа А. Н. Строгановский дворец и Строгановская галерея в Санкт-Петербурге // Художественные сокровища России. — 1901. — № 9. — С. 165–173.

⁸ Бенуа А. Н. Китайский дворец в Ораниенбауме // Художественные сокровища России. — 1901. — № 10. — С. 195–201.

⁹ Бенуа А. Н. Петергоф в XVIII веке // Художественные сокровища России. — 1902. — № 7–8. — С. 139–143.

поднял проблему соотношения старинной архитектуры и современной городской застройки.

Самая первая статья, появившаяся в 1899 году в журнале «Мир искусства», носит выразительное название «Агония Петербурга»¹ (эта статья, как и некоторые другие, подписана Александром Бенуа псевдонимом Б. Веньяминов). В ней была поднята проблема искажения первоначального архитектурного облика города. Художник был обеспокоен судьбой Петербурга, поскольку «в художественном отношении за последние годы он не только не двинулся вперед, но сделал гигантские шаги назад». Данная статья содержит в себе те основные идеи, которые Бенуа будет впоследствии развивать на протяжении всего «миriskуснического» периода. Здесь художник указывает стили, которые он считает наиболее «пригодными» для города на Неве. «При скудости средств и отсутствии эффектных материалов, что может быть лучше для Петербурга петровского стиля, иначе говоря — голландского, кирпичного барокко, или расстреллиевского рококо, или классицизма России». Архитектура эклектики представлялась лишенной подлинной красоты, безвкусной и портящей облик города. «Агония Петербурга» показывает, насколько высоко Бенуа ценил старинную архитектуру города. И это не просто позиция охваченного ностальгией по «милому прошлому», оторванного от реальной жизни мечтателя, это твердая позиция знатока, уверенного в своей правоте.

Со свойственной ему непримиримостью Бенуа резко противопоставляет «образцовый» город Санкт-Петербург эпохи барокко и классицизма современному городу; это в некотором роде сквозная тема, проходящая через все, что было написано Александром Николаевичем о Петербурге с 1899 по 1904 годы.

Проблема уничтожения оригинального стиля Петербурга возникает чуть ли не в каждой статье; некоторые статьи, такие как «Материалы для истории вандализма в России. I. Разрушение Михайловского дворца», «Вандализмы», повествуют о разрушению конкретных архитектурных памятников.

Конечно, критикуя архитектуру эклектики и ее «варварское» вмешательство в городскую среду, художник излишне преувеличивает

¹ Б. Веньяминов. Агония Петербурга // Мир искусства. — 1899. — Т. 2. — № 15. С. 16–17.

некоторые моменты; положение на самом деле не было настолько катастрофичным. Но, вероятно, только таким образом он мог привлечь внимание к проблеме и попытаться предотвратить дальнейшее разрушение и перестройку зданий, имеющих историческую и художественную ценность.

Но затем происходит неожиданная перемена. В 1913 году в журнале «Старые годы» появляется статья Бенуа (написанная совместно с Н. Лансере) «Дворцовое строительство императора Николая I»¹. Тема статьи совсем не соответствует художественным вкусам Александра Николаевича. Более того, точка зрения, высказанная здесь, сильно отличается от всего, что раньше писал Бенуа по поводу архитектуры эклектики. Вот самое начало статьи: «Еще совсем недавно все, что оставила эпоха, отстоящая от нас на шестьдесят-восемьдесят лет, казалось верхом безвкусицы, чем-то таким, что совершенно лишено художественного смысла и прелести. Какие только эстетические громы не обрушивались на создания наших дедов. В этом видели нагляднейшие примеры того, к какому позору может привести крайний эклектизм, обвиняли произведения искусства (особенно архитектуру и прикладные искусства) в отсутствии личного вкуса, поэзии, чувства; потешались над тем, как люди того времени ложно и глупо понимали и возвышенную готику, и прекрасный ренессанс, и утонченный рококо, и поэтичное русское зодчество. <...> И однако за последнее время замечается и здесь неизбежный поворот отношения». Тот факт, что Бенуа решил пересмотреть отношение к эклектике, удивляет, потому что сам художник ранее характеризовал этот стиль только как «дешевый» и «пошлый». Теперь в этом стиле он находит «немало таланта, знания, вкуса, чувства, поэзии», то есть те качества, которые, по его мнению, «должны воздействовать на людей, чутких ко всему, что обнимает слово “красота”...».

Почему Александр Бенуа вдруг меняет свое мнение? Ответ на этот вопрос дает сам художник: «Непонятным образом то, что всего лет десять тому назад казалось отвратительным, стало теперь казаться трогательным и милым. Уже без умиления мы не можем смотреть на курьезы “псевдоготики”, и чем безумнее эти курьезы, тем они трогательнее. А теперь и все остальное, что создала эпоха, обнимающая

¹ Бенуа А., Лансере Н. Дворцовое строительство императора Николая I // Старые годы. — 1913. — № 7–9. — С. 173–196.

собой время приблизительно с 1820 по 1855 годы, начинает почему-то нравиться»¹. Дело в том, что к 1913 году русская архитектура уже узнала стиль модерн. Известно, что модерн с самого начала создавался как «новый стиль», не имеющий исторических корней, сознательно отказавшийся от ориентации на какой-либо стиль прошлого. Для русской архитектурной традиции всегда было важно наличие образца, идеала. Поэтому все стили, возникавшие в России, обязательно были связаны с неким прообразом². Модерн решительно порывал с архитектурной традицией, что явилось одной из причин кратковременности его пребывания в архитектурной практике России.

Модерн никак не отвечал представлениям об «идеальном стиле», особенно в Петербурге, городе, в котором так сильна роль классицизма. По сравнению с ампиром модерн выглядел «несостоятельным»; новые формы, которые он предложил, не могли конкурировать с цельностью и мощью ампирных форм.

Модерн заставил по-новому взглянуть на эклектику, глубже вникнуть в этот стиль и понять его своеобразие. По сравнению с архитектурой модерна, в которой отсутствовал какой-либо ориентир, архитектура эклектики оказалась тесно связанной со стилями прошлого, с неким образцом и, следовательно, стала выглядеть более привычной и понятной.

В такой ситуации переосмысление архитектуры эклектики стало необходимым и, как признал сам Бенуа, «неизбежным». Эклектика, с ее любованием стариной и красотой стилей прошлого, стала восприниматься не как «дилетантская подражательность», а как творческое переосмысление стилей. «Произведения этого времени ни в коем случае не подделки, их ни за что не принять за то, чему они подражали. При этом в них начинает для нас проглядывать и настоящая прелесть, а прелесть их заключается именно в том, чем они отличаются от своих образцов»³. Таким образом, была признана самостоятельная ценность эклектики.

¹ Бенуа А., Лансере Н. Дворцовое строительство императора Николая I. С. 173.

² См.: Нащокина М. Метаморфозы восприятия стиля модерн в России // Семантическая целостность Серебряного века. Лион, 2010.

³ Бенуа А., Лансере Н. Дворцовое строительство императора Николая I. С. 175.

«Идеальный город» Александра Бенуа так и остался недостижимой мечтой. Все попытки создать его не могли увенчаться успехом в сложной ситуации начала XX века. «Прекрасный мираж» стилистически цельного Петербурга был изначально обречен на гибель.

Но деятельность Бенуа и объединения «Мир искусства» позволила по-другому взглянуть на город, открыла его многие неизвестные черты. Искреннее восхищение Петербургом помогло очистить город от налета ложных представлений о нем, бытовавших несколько десятилетий. Вряд ли можно представить себе современный Петербург вне творчества «мирискусников». Именно они создали тот сложный, многогранный образ города, который не теряет своей привлекательности до сих пор.

Библиография

1. Бенуа А. Н. Архитектура Петербурга // Мир искусства. — 1902. — Т. 7. — № 4.
2. Бенуа А. Н. Живописный Петербург // Мир искусства. — 1902. — Т. 7. — № 1.
3. Бенуа А. Н. Китайский дворец в Ораниенбауме // Художественные сокровища России. — 1901. — № 10.
4. Бенуа А. Н. Красота Петербурга // Мир искусства. — 1902. — Т. 8. — № 8.
5. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. В 5 кн. М., 1990.
6. Бенуа А. Н. Монплезир // Мир искусства. — 1901. — № 2–3.
7. Бенуа А. Н. Петергоф в XVIII веке // Художественные сокровища России. — 1902. — № 7–8.
8. Бенуа А. Н. Строгановский дворец и Строгановская галерея в Санкт-Петербурге // Художественные сокровища России. — 1901. — № 9.
9. Бенуа А., Лансере Н. Дворцовое строительство императора Николая I // Старые годы. — 1913. — № 7–9.
10. Б. Веньяминов. Агония Петербурга // Мир искусства. — 1899. — Т. 2. — № 15.
11. Б. Вениаминов. Инженерный замок // Мир искусства. — 1900. Т. 1. — № 1.
12. Б. Веньяминов. Каталая гора в Ораниенбауме // Мир искусства. — 1900. — Т. 1.
13. Гусарова А. П. Мир искусства. Л. : Художник РСФСР, 1972.
14. Кауфман Р. С. Очерки истории русской художественной критики. От Константина Батюшкова до Александра Бенуа. М. : Искусство, 1990.

15. Круглов В. Ф. Александр Николаевич Бенуа. СПб. : Художник России, Золотой век, 2001.

16. Лапшина Н. П. Мир искусства. Очерки истории и творческой практики. М. : Искусство, 1977.

17. Нащокина М. Метаморфозы восприятия стиля модерн в России // Семантическая целостность Серебряного века / Научно-исследовательский центр славистики Андрэ Лиронделля. Университет Жана Мулена Лион 3. Лион, 2010.

18. Петров Вс. Н. Мир искусства. Художественное объединение начала XX века. СПб. : Аврора, 1997.

19. Эткинд М. Г. Александр Николаевич Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. Л. : Художник РСФСР, 1989.

20. Эткинд М. Г. Александр Бенуа как художественный критик. СПб. : ЗАО «Журнал «Звезда», 2008.

АСПЕКТЫ

*АНИСИМОВА Светлана Александровна,
кандидат политических наук, доцент,
Институт переподготовки и повышения
квалификации руководящих кадров и
специалистов системы социальной защиты
населения города Москвы
anislana2009@mail.ru*

Роль православной традиции в политическом процессе современной России / The role of orthodox tradition in political process of modern Russia

Аннотация

В статье представлены авторские исследования роли православия как важнейшей традиции в развитии политического процесса современной России в условиях глобализации. Анализируя проблемы, связанные с развитием культурно-духовных традиций, автор обращает внимание на их особое значение в формировании и развитии политического процесса, что является важнейшим условием укрепления суверенитета, национальной безопасности России.

Ключевые слова

Культурно-духовные традиции; православие; политический процесс; Россия.

Annotation

The article highlights author's researches of the role of orthodoxy as a major tradition in political process development in modern Russia in the conditions of globalization. Analyzing problems linked with development of cultural and spiritual traditions in Russia, the author pays

attention to their special value in formation and development of political process being the most important condition of strengthening Russian sovereignty, national security.

Keywords

Cultural-moral traditions; political process; orthodoxy; Russia.

В развитии и укреплении политического процесса современной России, когда на наших глазах разрушаются государства, поглощаясь глобальным миром, господствуют информационные технологии, манипулирующие сознанием людей, осуществляется подмена национальных ценностей, особое значение приобретают культурно-духовные традиции, являющиеся хранителями самоидентичности, суверенитета, национальной безопасности государства.

Государство, заинтересованное в своем будущем, должно уделять сохранению и развитию культурно-духовных традиций особое значение, ибо, являясь его сакральной частью, они обеспечивают жизнедеятельность государства даже тогда, когда все остальные традиции либо уничтожены, либо находятся в состоянии глубокого кризиса.

Культурно-духовные традиции — та невидимая сила, позволяющая не только сохраниться, выжить, но возродиться государству на новом цивилизационном этапе развития.

Вот почему завоеватели, помимо захвата территории государства в географическом его понимании, подчинения его экономического и политического базисов, стремятся уничтожить и культурно-духовную составляющую, ибо в ней — сущностные основы государства.

Сохранение и развитие культурно-духовных традиций носят политический характер и имеют отношение к проблемам национальной безопасности государства, ибо бездумное «редактирование» или придание забвению одной из них ведет к уничтожению других, составляющих единое исторически сложившееся целое. Государства, осознающие это, даже достигая высоких постиндустриальных показателей, тем не менее оберегают свои традиции, кажущиеся извне историческими рудиментами, противоречащими современному уровню развития, но внутренне являющимися именно теми

цивилизационными ДНК, которые обеспечивают высокие показатели развития и прогресс.¹

Руси, России, СССР не раз приходилось испытывать и преодолевать исторические вызовы иных цивилизаций. Однако иммунитет культурно-духовных традиций не только позволял пережить наступления половцев, печенегов, монголо-татар, немецких рыцарей, шведских завоевателей, поляков, Смутное время, Отечественную войну 1812 года, Первую мировую войну, Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., но и подняться на новую, более высокую ступень развития.

В современной России не идут баталии на фронте военных действий, но ощущение военного положения возникает всякий раз, когда смотришь телевидение, читаешь газеты, заходишь в Интернет, приходишь в театр, книжный магазин, кинотеатр, на выставку и т. д. И когда в твоём сознании соединяется полученная информация, то возникает понимание того, что ты являешься невольным свидетелем самой настоящей войны, но войны, ведущейся нетрадиционными методами, войны на уровне интеллекта, подсознания, фронт которой проходит в некоем сюрреалистическом пространстве. Какова же цель этой виртуальной необъявленной войны?

Анализируя объекты, на которые направлено интеллектуальное «оружие» врагов национальных интересов России, понимаешь, что целью является уничтожение той сакральной части культурно-духовного пространства, которая обеспечивает иммунитет нации, государства, русской цивилизации. Для этого необходимо разрушить духовную составляющую — православную веру. В этом плане на уровне высоких технологий создаются секты, посылаются псевдопророки, насаждающие идеи, противоречащие традиционным религиям, распространяется литература, претендующая на духовность, разрушающая национальные ценности, завещанные нашими предками, позволяющие им поступательно развиваться, культивируются праздники, относящиеся к иной духовной культуре. Это приводит к тому,

¹ Япония, Англия, некоторые скандинавские страны — страны, которым периодически навязываются провокационные предложения и дискуссии по корректированию или даже уничтожению существующих традиций, но, к счастью, у государственной элиты этих государств хватает мудрости и мужества пережить данные вызовы, а значит — отстоять цивилизационное будущее своих государств.

что традиционно православный народ начинает жить по гороскопам, восточным календарям, отмечать события, не имеющие никакого отношения к православию (иным традиционным конфессиям). Не ущемляя достоинства ислама, иудаизма, буддизма, ибо это отдельное серьезное исследование, остановимся на православии как на важнейшей традиции России.

Русь-Россия со времени принятия христианства, став православным государством, развиваясь политически, экономически, культурно, территориально, не отвергала культурно-духовные основы народов, ставших составной частью русской державности, напротив, предоставляла им условия для самобытного развития, не насаждая, а способствуя их самоидентификации. Россия за свою более чем тысячелетнюю историю, духовной основой которой изначально являлось православие, со временем стало многорелигиозным и многоконфессиональным государством, где с древнейших времен мирно сосуществуют четыре традиционные религии: православие, ислам, иудаизм, буддизм, которые в одни и те же времена переживали и периоды развития, и периоды гонения. Так, в атеистический период гонению подвергались не только православная вера, но и ислам, иудаизм, буддизм, были разрушены храмы, мечети, синагоги, пагоды.

После крушения СССР, когда атеизм перестал быть идеологией, по всей стране из руин стали одновременно возрождаться святыни традиционных религий, путь к которым обретают миллионы верующих православных, мусульман, иудеев, буддистов.

Н. А. Ильин писал: «Русский народ принял христианство не от меча, не по расчету, не страхом и не умственно, а чувством, добротой, совестью и сердечным созерцанием. Когда русский человек верует, то он верует не волею и не умом, а огнем сердца».¹

Официальной датой принятия православия на Руси считается 988 год,² принятию которого предшествовало испытание верой: князь Владимир отверг магометанство, иудаизм и принял христианство как религию абсолютных оценок, суда, спасения.³

«Повесть временных лет» свидетельствует, что к моменту официального крещения христианство уже получило распространение на

¹ Ильин И. А. О русской идее. М., 1993. С. 135–151.

² Повесть временных лет // Златоструй. М. : Молодая гвардия, 1990. С. 74.

³ См. там же. С. 59–74.

Руси. Одним из способов проникновения христианства в Киев был приход на службу к князю варягов, крестившихся в Царьграде, прекрасно знавших греческий язык и культуру. Первые сведения о христианстве у руссов относятся к 860–870 гг., когда возникает миссионерская деятельность греческой православной церкви, и на Русь был послан митрополит Михаил, крестивший киевского князя Аскольда. Были построены храмы и монастыри, христиане даже служили в дружине киевского князя. Так, при князе Игоре в Киеве существовала церковь во имя Ильи. Одной из первых представительниц княжеского рода крестилась княгиня Ольга.

Особенностью принятия христианства на Руси явилось то, что, с одной стороны, она не отвергла духовно-нравственные основы языческой цивилизации, синтезировав их, а с другой — не слепо приняла христианство от Византии, переработав на основании своей ментальности, что позволило родиться русскому православию, сохраниться не только с политической точки зрения, но и цивилизационно.

Русское православие, взяв за основу византийское, отличается от него: русский народ до христианства имел свое мировоззрение и свой особый племенной характер; если византийское христианство абсолютизировало проблему зла, считая, что преодолеть его можно только через аскетизм (уход от мира как способ борьбы со злом), то русский человек путь к Богу видел через молитву и творение добра; в отличие от Византии, русский человек ощущает мир оптимистично, в нем отсутствует безнадежность, господствует жизнеутверждающий взгляд и радость; если византийский император рассматривался как представитель Бога на земле, то русское православие ни князя, ни впоследствии царя, императора не обожествляло.

О духовном освобождении от Византии свидетельствует несколько событий: созыв первого церковного собора в Киеве при князе Ярославе Мудром, на котором была сделана попытка установить церковную автокефалию путем избрания собственного митрополита из числа русского духовенства; первая канонизация русских святых Бориса и Глеба — братьев князя Ярослава, убитых Святополком Окаянным; беатификация князя Владимира.¹

¹ Беатификация (лат. *beatificatio* — «счастливый, благословенный») — причисление умершего к лику блаженных, не следует путать с канонизацией, в ходе которой происходит причисление праведника к лику святых.

Принимая христианство, Русь не отвергла язычество. Важнейшей составляющей язычества славян были духовно-нравственные принципы, которые придавали особый смысл и содержание всем обожествляемым субъектам. Божественное содержание придавалось всему, что было связано с творением добра и блага. Славянские боги осуществляли нравственную опеку над человеком, требуя от него исполнения того же.¹

В христианство из язычества вошли: культ предков; многие христианские праздники, святые слились с языческими; Святки, Масленица; Великий пост от Масленицы до Пасхи, являющийся важнейшим испытанием для верующих, не стал инновацией для крещеного человека, так как в язычестве славян присутствовали испытания, запреты, очищение водой, покаяние; в ритуале самого священного христианского таинства — причащении есть общее с представлениями предков о том, что вкушение тела и крови обожествленного существа приобщает человека к божеству.

Пасха — главнейший праздник православия, связанный со страданием, смертью и воскресением Иисуса Христа, напоминала анимистические верования, умиловительные обряды славян-язычников. С христианской Троицей слились древнеславянские праздники, связанные с культом растительности, — Русалочья неделя, завершавшаяся в православии Петровым постом, что совпало с языческими проводами весны (подобно Масленице уничтожали — бросали в воду чучело Костромы).

Особое место в жизни наших предков имела память об умерших, связанных с земледельческим трудом, жизнью природы. Жертвоприношения мертвым были одновременно и кормлением земли, что было связано не только с задобрением родителей, но и заручением их поддержкой как добрых помощников.

Таким образом, православие отвечало характеру русского народа и позволяло ему сохранить и развивать свои культурно-духовные традиции, внося в новую веру нравственные принципы, рожденные в языческие времена. Как писал Н. А. Бердяев, «в типе русского человека всегда сталкиваются два элемента — первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потусторон-

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. : Наука, 1994.

нему миру. Для русского народа одинаково характерен и природный диснисизм, и христианский аскетизм».¹

Синтез религии славян дохристианской эпохи, их традиций и обычаев, органически слившихся с православием, пришедшим из Византии, привел к уникальному явлению в истории русской цивилизации — русскому православию. После гибели в 1453 году Византийской империи Россия стала центром православного мира, воплощая в жизнь идею «Москва — третий Рим», высказанную старцем и игуменом Елеазаровского монастыря Филофеем (1514–1521 гг). В послании, обращаясь к царю Василию Иоанновичу, он писал: «Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится, по слову великого Богослова, а для христианской церкви сбудется блаженного Давида слово: “Вот покой мой во века веков, здесь поселюсь, как пожелал я того”».²

В настоящее время роль православия возрастает с каждым днем. Об этом свидетельствуют возрожденные храмы и монастыри, долгое время являющиеся музеями, складами, магазинами, школами.³ Велика в этом процессе роль музейных работников, которые, являясь хранителями музейных ценностей, понимая историческое и культурологическое, а многие — и духовное значение храмов, обеспечили не только их архитектурное будущее, а прежде всего духовное, вольно или невольно осознав значение веры и храма как земного символа вечной жизни.

Показателем возрождающегося православия является и то, что прихожанами храмов стали не только бабушки в платочках с четырехклассным образованием, во многом благодаря которым в атеистическую эпоху была сохранена церковь, но и мыслящая часть

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. С. 8.

² Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамени и о содомском блуде // Русская душа. М. : Роман-газета, 1994. 56–58 с.

³ Известный русский исследователь И. Пыляев в своем историческом труде «Старая Москва» упоминает о нескольких десятках церквей и монастырей, расположенных на современной территории Кремля, Красной площади, фундаменты которых были обнаружены при строительстве Кремлевского дворца съездов, гостиницы «Россия», свидетельствующие о том, какое огромное значение наши предки придавали православной вере.

общества, а главное — дети и молодежь. Человек, впитавший в себя веру с молоком матери, не предаст, не совершит безнравственный поступок, ибо вера — это любовь как к Господу и ближнему, так и к Отечеству, и Родине.

Положительным явлением нашего времени являются научно-практические конференции, «круглые столы», семинары, на которых ученые, специалисты вместе с представителями православной церкви обсуждают вопросы, связанные с ролью церкви в истории России, создании гражданского общества, социально-политической сплоченности народа. Подобные вопросы обсуждаются на ежегодных Рождественских чтениях, на заседаниях Всемирного русского народного собора.

Важным событием нашего времени стало решение Президента Российской Федерации Д. А. Медведева от 21 июля 2009 года о введении изучения в школах основ религиозной культуры — учебный предмет, включенный Министерством образования и науки РФ в школьную программу в качестве образовательного компонента в рамках курса «Основы религиозных культур и светской этики»¹.

Огромное политическое значение имело воссоединение Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей, которое состоялось 17 мая 2007 года в Москве в храме Христа Спасителя, когда Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей митрополитом Лавром был подписан Акт о каноническом общении Русской Православной Церкви Заграницей с Русской Православной Церковью Московского Патриархата — документ, провозглашающий объединение Русской Православной Церкви Заграницей с Московским Патриархатом.²

¹ С 1 апреля 2010 года в 19 регионах России (затем в 21) в экспериментальном режиме была введена образовательная гуманитарная программа «Духовно-нравственное воспитание», переименованная затем в «Основы религиозных культур и светской этики», в рамках которой ученики могут изучать любой из шести модулей, в их числе «История и основы культуры одной из традиционных религий (православие, ислам, буддизм, иудаизм)», «История основных мировых религий», «Основы светской этики». Преподавать предметы должны светские педагоги.

² Согласно Акту о каноническом общении РПЦЗ: Первоиерарх РПЦЗ, избираемый ее Архиерейским Собором, подлежит утверждению Патриархом

Раскол внутри РПЦ произошел в середине 1920-х годов после смерти Патриарха Тихона и опубликования в 1927 году Декларации заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия Страгородского. Архиерейский Синод РПЦЗ разорвал общение с церковным управлением в России, сохранив его только с катакомбными общинами. Русская Православная Церковь Заграницей как юрисдикция, объединяющая епископов Русской Церкви, оказавшихся в эмиграции, была создана в 1924 году в Сремских Карловцах (Сербия). Каноническим основанием для ее создания был Указ Патриарха Тихона № 362 от 7/20 ноября 1920 года.

Большую роль в подписании Акта о каноническом общении сыграли не только иерархи церквей, но и Президент РФ В. В. Путин, который встретился с иерархами РПЦЗ в 2003 году во время визита в США.

Огромное значение для укрепления православной традиции имеет восстановление в 2008 году празднования на государственном уровне православного праздника — Дня Петра и Февронии (православных покровителей семьи и брака, чей супружеский союз считается образцом христианского брака), получившего официальное название «День семьи, любви и верности», отмечающегося 8 июля. Символом праздника является ромашка, олицетворяющая супружескую любовь и верность.

Московским и всея Руси и Священным Синодом Московского Патриархата; согласованию с Патриархом Московским и всея Руси и Священным Синодом подлежат решения об образовании или упразднении епархий, входящих в РПЦЗ; избрание Архиерейским Собором или Архиерейским Синодом РПЦЗ архиереев утверждается Патриархом Московским и всея Руси и Священным Синодом; вышестоящая инстанция церковной власти для РПЦЗ — Поместный и Архиерейский Соборы Русской Православной Церкви, в число членов которых входят архиереи РПЦЗ, а применительно к первому — представители клира и мирян РПЦЗ. В то же время Акт утверждает сохранение самостоятельности Русской Православной Церкви Заграницей в делах пастырских, просветительных, административных, хозяйственных, имущественных и гражданских, при каноническом единстве со всей Полнотой Русской Православной Церкви. Главным органом управления, вместо Собора епископов РПЦЗ становится Поместный и Архиерейский Собор Русской Православной Церкви.

О восстановлении духовности в России повествует ежегодная церковно-общественная выставка-форум «Православная Русь — ко Дню народного единства», которая свидетельствует о достижениях церкви за последние 20 лет, выражающихся не только в духовном возрождении России (восстановление храмов, монастырей, обретение веры тысяч людей), но и в развитии церковно-государственных отношений, в основе которых — совместная забота о человеке, укрепление национального самосознания людей, основывающегося на национальных ценностях, хранителем которых традиционно являлась Русская Православная Церковь.¹

Возрождению духовности в России способствует ежегодный Международный кинофорум «Золотой витязь», президентом которого является народный артист России Н. П. Бурляев, целью которого — пробуждение национального самосознания, православной веры, осознание принадлежности к тысячелетней истории России, ее культурно-духовным традициям, участниками которого являются не только представители славянских государств, но и Литвы, Южной Кореи, Венгрии, Китая и др., демонстрирующий желание его участников не только сохранить самоидентичность, культурно-духовные традиции, но и искать единые подходы в вопросах мира, справедливости, уважения друг друга.

Ярким свидетельством возрождения духовных традиций в России является поклонение Поясу Пресвятой Богородицы, ковчег с которым был привезен в Россию из Ватопедского монастыря на Афоне. С 19 по 27 ноября 2011 года ковчег с Поясом находился в Москве в храме Христа Спасителя, к которому днем и ночью не прекращался поток людей, желающих поклониться этой святыне (более 3 миллионов человек).

Таким образом, православие — это важнейшая традиция России, которая обеспечивает ее самоидентичность, независимость, национальную безопасность. В условиях глобализации, поглощающей государства, цивилизации, необходимо принять комплексные меры, способствующие укреплению и развитию культурно-духовных традиций.

¹ Выступление Патриарха Московского и всея Руси на встрече 5 ноября 2011 года Президента России Д. А. Медведева с представителями епископата, духовенства Русской Православной Церкви, церковной общественности в Центральном выставочном зале «Манеж» в Москве.

Политическими задачами нашего времени являются сохранение и развитие культурно-духовного богатства, завещанного нам предками. Огромная роль в этом процессе принадлежит государству, институтам гражданского общества, каждому человеку.

Вот почему так важно усилить российское законодательство, защищающее культурно-духовные традиции государства от чуждых, разрушающих влияний; необходимы литература, искусство, кинокартины, мультфильмы, в центре которых были бы образы положительных героев, сеющие не пессимизм и ностальгию по безвозвратно ушедшему прошлому, а вдохновляющие на будущие дела, помогающие обрести смысл жизни, ее радость, спасение и веру.

Библиография

1. Анисимова С. А. Традиция социального служения Русской Православной Церкви // ПОИСК. — 2011. — Январь — февраль. — Выпуск № 1 (30).
2. Анисимова С. А. Политическая деятельность княгини Ольги и развитие культурно-духовных традиций России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2011. — № 4.
3. Анисимова С. А. Роль культурно-духовных традиций в формировании политического процесса современной России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2011. — № 5.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
5. Ильин А. Н. О русской идее. М., 1993.
6. Платонов О. А. Русская цивилизация. М. : Роман-газета, 1995.
7. Повесть временных лет // Златоуструй. М., 1990.
8. Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде // Русская душа. М., 1994.
9. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1994.

*КОШАРНАЯ Галина Борисовна,
доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии и
управления персоналом, ГОУ ВПО
«Пензенский государственный университет»
k-galina1@yandex.ru*

*РОЖКОВА Лилия Валерьевна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и управления
персоналом, ГОУ ВПО «Пензенский
государственный университет»
mamaeva_lv@mail.ru*

Трудовые ценности студенческой молодежи в условиях социокультурной модернизации российского общества / Labor values of student's youth in the conditions of sociocultural modernization of the Russian society

Аннотация

В статье рассматриваются трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи. На основе результатов социологического исследования проводится анализ типов мотивации трудовой деятельности, экономических ориентаций студенческой молодежи в условиях социокультурной модернизации России.

Ключевые слова

Труд; трудовые ценности; студенческая молодежь; модернизация.

Annotation

In article labor values and installations of modern student's youth are considered. On the basis of results of sociological research the analysis of types of motivation of labor activity, economic orientations of student's youth in the conditions of sociocultural modernization of Russia is carried out.

Keywords

Work; labor values; student's youth; modernization.

Актуальность ценностной проблематики в современных социально-экономических условиях развития России становится все более очевидной: социальные трансформации влекут за собой коренные изменения ценностей, что непосредственно отражается на поведенческих установках и стратегиях россиян. Изучение ценностей в их социокультурном срезе, трудовых ценностей, жизненных и профессиональных стратегий молодежи является особенно актуальным в силу практической значимости, поскольку позволяет глубже исследовать и объяснить направленность и содержание трудовой активности молодого поколения.

Трудовые ценности занимают особое место в системе ценностей населения. В настоящее время выявляется несоответствие между потребностью общества в активизации трудовых ценностей, достижительной мотивации и реальным состоянием ценностного сознания. Ценности и установки в трудовой сфере трансформируются во взаимодействии с целостной ценностной системой. В структуре ценностей населения постсоветской России, по данным общероссийских социологических опросов, лидируют, «сочетаются» такие ценности, как «семья», «здоровье», «материальное благополучие» и «работа». При этом иерархия ценностей отлична в разных возрастных группах.

Наиболее комплексный анализ трудовых ценностей проведен в работах В. С. Магуна, в которых рассматриваются изменения трудовых ценностей населения за годы реформ. Анализ данных социологических исследований позволил выделить два этапа (говоря словами В. С. Магуна — «перехода») в сознании россиян: от 1991 г. к 1995 г. и от 1999 г. к 2004 г.¹ На первом этапе наиболее важными

¹ Магун В. С. Трудовые ценности населения России / В. С. Магун / [Электронный ресурс]. — [Режим доступа]: <http://rabportal.ru>, свободный

оказались такие трудовые ценности, как надежность места работы, возможность чего-то достичь, уважение со стороны окружающих, хороший заработок¹, что было связано с происходящими в российском обществе преобразованиями в социально-экономической и политической сфере. Второй «переход» (с 1999 г. по 2004 г.) был связан с экономическим подъемом в России, однако потребность в высоком заработке сохранилась. Как отмечает В. С. Магун, это объясняется тем, что, хотя заработная плата и выросла, «резко выросли и запросы населения, удовлетворить которые возможности не было»². Таким образом, за время реформ в России на первый план вышли материальные ценности. Подобная ситуация была обусловлена снижением общественной значимости труда, трудового воспитания, изменением мотивов занятости.

Современную молодежь постсоветской России отличают новые ценности и установки, в том числе и в трудовой сфере. Работа воспринимается студенческой молодежью как средство для достижения успеха в жизни, признания и уважения окружающих, определенного социального положения в обществе. Для молодежи главными являются такие ценности, как высокий заработок и профессиональная самореализация.

По данным авторского исследования трудовых ценностей студенческой молодежи вузов г. Пензы (2012 г., n=387) было установлено, что большинство представителей молодого поколения оценивает свои личностные и профессиональные качества как скорее соответствующие современной социально-экономической ситуации. В рамках исследования представлялось важным выявить взгляды студенческой молодежи с различным типом мировоззрения³. Так, модернисты в большей степени, чем традиционалисты, склонны оценивать свои знания и способности как полностью соответствующие

¹ Магун В. С. Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. — 2007. — № 3.

² Там же. С. 27.

³ Деление респондентов по типам мировоззрения (традиционалисты, модернисты и смешанные) осуществлялось с использованием индекса в некоторой модификации, разработанного Институтом социологии РАН (подробнее см.: Рожкова Л. В. Модернизационные ориентации и ценности студенческой молодежи // Социология образования. — 2010. — № 11. — С. 65–76).

новой экономической ситуации. 77% модернистов оценивают свои способности как полностью и скорее соответствующие современной социально-экономической ситуации в стране. Среди традиционалистов таких оказалось в значительной мере меньше — 42,8% респондентов. Эти данные говорят о самоуверенности молодых модернистов, готовых и способных в новой экономической ситуации к эффективной трудовой деятельности.

По материалам фокус-групп и глубинных интервью с молодыми преподавателями (2012 г.) информанты выделили основные качества, которые помогают быть конкурентоспособным на рынке труда. В их числе были названы следующие: амбициозность, желание развиваться, самосовершенствоваться, пополнять свой капитал, а также нужные социальные связи.

Исследования Т. В. Хлоповой, Ж. Т. Озерниковой¹ выявили, что для работающей молодежи до 25 лет наиболее значимыми являются материальные и статусные трудовые ценности. В условиях полной материальной обеспеченности 71,5% молодежи хотели бы работать и скорее работать. Ориентация на работу снижается с возрастом, что вполне закономерно².

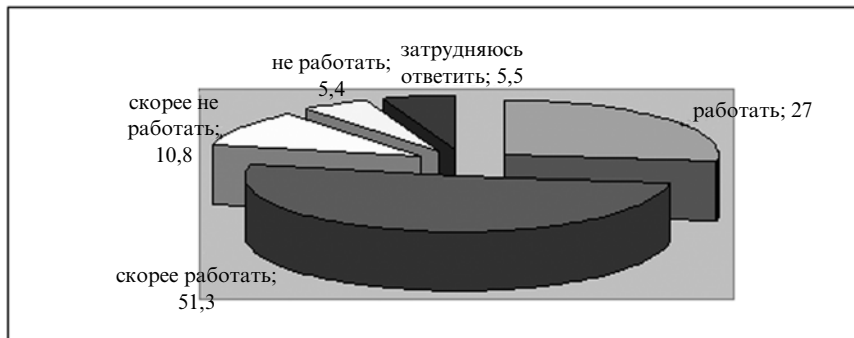
По данным авторского исследования (2012 г.), ориентация на работу при материальной обеспеченности также достаточно высока. Так, 78,3% респондентов хотели работать и скорее работать (см. рисунок 1 на с. 86).

В таблице на с. 86 представлена оценка желания работать при наличии достаточных финансовых средств в срезе модернизационных и традиционалистских установок молодежи. Результаты показали, что 53,8% модернистов скорее хотели бы работать, а 57,1% традиционалистов предпочли бы работать даже при отсутствии материальных затруднений. Среди традиционалистов не было выявлено демотивации («работа — неприятная обязанность, если бы я мог, я бы вообще не работал» — по шкале мнений для оценки трудовой мотивации ВЦИОМ, 1989 г.).

¹ Хлопова Т. В., Озерникова Ж. Г. Трудовые ценности молодежи // Народонаселение. — 2002. — № 4. — С. 66–67.

² Там же. С. 66–67.

**Распределение ответов на вопрос
«Если бы у Вас была материальная возможность не работать,
то что бы Вы предпочли?», в % от числа опрошенных, n=387**

Таблица

**Распределение ответов на вопрос
«Если бы у Вас была материальная возможность не работать,
то что бы Вы предпочли?» в зависимости от типа мировоззрения
(в % по каждой группе)**

Варианты ответов	Всего, n=387	Модер- нисты	Традицио- налисты	Предста- вители смешан- ного типа
Удельный вес в выборке, в %	100	28	7	65
01. Работать	27	26,9	57,1	21,9
02. Пожалуй, работать	51,3	53,8	28,6	53,7
03. Скорее не работать	10,8	7,7	0	14,6
04. Не работать	5,4	7,7	0	4,9
05. Затрудняюсь ответить	5,5	3,8	14,2	4,9
ИТОГО	100	100	100	100

Около 90% респондентов считают, что труд дает возможности для самореализации личности.

Модернисты в большей степени, чем традиционалисты и представители смешанного типа, считают, что труд — это бремя, связанное с удовлетворением насущных потребностей (23,1%, 14,4%, 14,6% соответственно). Социальную значимость труда в большей мере разделяют традиционалисты (28,6%).

Для модернистов более значимы хорошие способности (69,2%) и упорный труд (73,1%), для традиционалистов основой жизненного успеха являются два параметра: образование и способности (по 71,2% соответственно).

По результатам исследования, у большинства студентов преобладает установка много работать и хорошо зарабатывать, хотя несколько выше доля «сибаритов» и меньше количество «гедонистов»¹. При этом для модернистов эта установка более значима, чем для традиционалистов (46,1 против 42,8%), основной установкой для которых является стабильная работа со всеми социальными гарантиями (57,1 против 26,9%).

Важным условием для получения хорошей работы студенты считают наличие нужных связей и знакомств. При оценке факторов, которые являются главными при получении хорошей работы, модернисты выделили готовность трудиться с полной отдачей сил, нужные связи и знакомства и наличие высокой квалификации; традиционалисты — связи и знакомства и наличие высокой квалификации. Параметр «инициативность, предприимчивость» больше значим для модернистов (46,1 против 14,3%), «дисциплинированность и ответственность» — для традиционалистов (57,1 против 23,1%), что вполне закономерно.

По результатам исследований ИС РАН, основные требования, выдвигаемые молодежью к работе, следующие: высокий заработок (79,2%); интересное содержание работы (48,2%), хорошие условия труда (39,7%), наличие социальных гарантий (30,4%); гарантия профессионального роста (27%).²

На основании данных фокус-групп со студентами вузов г. Пензы и глубинных интервью с молодыми преподавателями (2012 г.) были

¹ У «сибаритов» преобладает установка «не работать, не учиться, но при этом иметь все, что хочется»; у «гедонистов» — «иметь небольшой заработок, но при этом много свободного времени».

² Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М. : ЦСПИМ, 2010. С. 169.

определены представления студентов об идеальной работе: она должна хорошо оплачиваться, соответствовать способностям, принести удовлетворение и быть стабильной.

Эти данные подтверждаются результатами авторского исследования. Главной ценностью в трудовой сфере для студенческой молодежи является высокооплачиваемая работа (72,9% респондентов). Были также выявлены различные взгляды традиционалистов и модернистов относительно характера предпочитаемой работы. Так, для модернистов работа должна быть в первую очередь высокооплачиваемая — 73,1% респондентов (инструментальный тип мотивации), для традиционалистов — интересная, творческая, престижная — по 71,2% соответственно (ценностный тип мотивации).

Существенный момент — отношение молодежи к возможности организовать свой собственный бизнес. Вполне закономерно, что создать бизнес хотели бы меньше молодежи, чем добиться успехов в работе. Все же предпочтения молодежи в сфере работы изменились: молодежь стала чаще рассчитывать на создание собственного бизнеса. По результатам исследований М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги, 56,2% молодежи (от 18 до 30 лет) готовы создать свой бизнес при наличии возможности; 4,8% респондентов уже планируют создание своего бизнеса. Таким образом, 56,2% респондентов имеют склонность к созданию своего бизнеса. Этот показатель значительно выше, чем у других возрастных групп (38,8% — среднее поколение (31–50 лет); 9,8% — старшее поколение (старше 50 лет))¹.

Эти данные в целом согласуются с результатами авторских исследований, однако установка на создание собственного бизнеса выше у студенческой молодежи, что может быть связано с амбициозностью и излишней самоуверенностью. Около половины опрошенных хотели бы создать свой бизнес при наличии такой возможности (58,1%). Об этом сказали 50% модернистов и 85,7% традиционалистов.

При этом никто из традиционалистов не планирует создать свой бизнес или не имеют его, в отличие от модернистов. Таким образом, традиционалисты только демонстрируют готовность создать свой бизнес, а модернисты реально его создают. Вместе с тем студен-

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. С. 186.

ческая молодежь осознает, что организация собственного бизнеса предполагает определенный риск, однако в дальнейшем это будет оправдано высоким доходом и финансовой независимостью, что подтверждают данные фокус-групп со студентами.

В рамках авторского исследования среди студенческой молодежи регионов Среднего Поволжья (2010 г., $n=1254$) выявлялась распространенность распределительных или достижительных ориентаций молодого поколения.

По данным исследования «Левада-Центра» (2008 г., $n=1500$), только 4% респондентов выбрали вариант «Небольшой заработок, но больше свободного времени»; вариант «Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне» выбрали наибольшее количество респондентов — 56%; только 8% опрошенных отметили, что хотели бы вести свое дело на свой страх и риск.¹

По результатам исследования Н. И. Лапина (2010 г.) была выявлена настораживающая тенденция, которую исследователь условно называет «усталость от собственной активности». Так, по сравнению с 2006 г. меньше стало людей, готовых много работать, чтобы много зарабатывать (с 44 до 35%), и практически на столько же увеличилось число тех, кто желал бы иметь небольшой, но твердый заработок (с 22 до 31%)².

В исследовании ИС РАН (проект «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации», под руководством Л. М. Дробижевой, 1999–2001 гг.) тип экономических ориентаций определялся через выбор респондентом одного из четырех вариантов ответа на проективный вопрос о предпочитаемом характере оплаты труда с вариантами ответов: 1) иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне; 2) иметь твердый, пусть и небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу; 3) много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее; 4) иметь собственное дело, вести его

¹ Общественное мнение — 2008. М. : Левада-Центр, 2008. С. 13.

² Лапин Н. И., Беляева Л. От стабилизации к интегрированной модернизации России. аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений. М., 2011 // http://www.intelros.ru/subject/ross_rasput/9462-ot-stabilizacii-k-integririvannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-s-ociokulturnyx-izmenenij.html

на свой страх и риск. Предполагалось, что выбор первых двух вариантов ответа свидетельствует об общей ориентации на распределительную модель, а двух последних — на принципиальное предпочтение «достижительной» модели¹.

По данным авторского исследования, среди студенческой молодежи регионов Среднего Поволжья (2010 г., n=1254) 46% респондентов являются «ориентированными на распределяемый доход» и 50% — «ориентированными на достижительность». Данные представлены на рисунке 2.

Рисунок 2

Распределение ответов на вопрос «Что бы Вы предпочли, если бы могли выбрать?» (в % от числа опрошенных, n=1254)

26% респондентов выбрали вариант «Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск»; 25% — «Получать меньшую, но стабильную зарплату и иметь уверенность в завтрашнем дне»; 23% — «Иметь работу по душе, даже если она не будет приносить больших денег»; 20% — «Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее». Вариант «Получать меньше, но иметь больше свободного времени» выбрали только 2% респондентов. Таким образом, можно сказать, что молодому поколению свойственны как современные тенденции — инициатива, предприимчивость, так и традиционные, патерналистские ориентации, характерные скорее для отношения к труду в советское время.

¹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижина. М. : Academia, 2002. С. 166.

Модернисты более всего ориентированы на инициативу, предприимчивость (33%); традиционалисты склонны «Иметь работу по душе» (28%) и «Быть уверенными в завтрашнем дне» (29%), что в целом согласуется с традиционными взглядами и ориентациями. Следует отметить, что вариант «Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск» был наиболее выбираемым среди студентов различных национальностей. Так, в наибольшей степени хотели бы иметь собственное дело татары, проживающие в Пензенской области (48%), 35% мордвы из Ульяновской области и 33% татар из Республики Татарстан.

Модернистов, которые хотели бы открыть и вести собственное дело, больше всего в Татарстане (38%) и меньше всего в Мордовии (18%). Много работать и хорошо получать хотят в наибольшей степени респонденты-модернисты, проживающие в Ульяновской области (28%). Среди традиционалистов вариант «Получать меньшую, но стабильную зарплату и иметь уверенность в завтрашнем дне» выбрали 42% опрошенных в Ульяновской области и всего 14% в Республике Татарстан. Иметь больше свободного времени хотели бы только 5% респондентов-традиционалистов в Ульяновской области. Иметь работу по душе в наибольшей степени хотели бы респонденты-традиционалисты, проживающие в Республике Татарстан.

Таким образом, данные проведенных исследований показали следующее. Модернисты более всего ориентированы на инициативу, предприимчивость; традиционалисты склонны «иметь работу по душе» и «быть уверенными в завтрашнем дне», что в целом согласуется с традиционными взглядами и ориентациями. Ориентация на работу при материальной обеспеченности достаточно высока (около 90%). Для модернистов успех в жизни связывается в первую очередь с упорным трудом. Для традиционалистов основой жизненного успеха являются два параметра: образование и способности. Главной характеристикой предпочитаемой работы для студенческой молодежи является высокая оплата труда. Для модернистов работа должна быть в первую очередь высокооплачиваемая, для традиционалистов — интересная, творческая престижная. Параметр «инициативность, предприимчивость» как условие получения хорошей работы больше значим для модернистов, «дисциплинированность и ответственность» — для традиционалистов.

В заключение следует отметить, что формирование и развитие трудовых ценностей студенческой молодежи, согласующихся с модернизационными трендами развития российского общества, чрезвычайно сложные задачи. С целью поддержки развития модернизационных ориентаций и ценностей в трудовой сфере неотъемлемым элементом является формирование позитивного отношения к труду посредством трудового воспитания в семье и образовательных учреждениях. Кроме того, все так же актуально развитие предпринимательства, малого бизнеса. Молодежному предпринимательству требуется адресная поддержка государства, для чего необходимо совершенствовать законодательную базу его развития на государственном и региональном уровнях.

Библиография

1. Магун В. С. Трудовые ценности населения России [Электронный ресурс]. — [Режим доступа]: <http://rabportal.ru>, свободный.
2. Магун В. С. Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. — 2007. — № 3.
3. Рожкова Л. В. Модернизационные ориентации и ценности студенческой молодежи // Социология образования. — 2010. — № 11.
4. Хлопова Т. В., Озерникова Ж. Г. Трудовые ценности молодежи // Народонаселение. — 2002. — № 4.
5. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010.
6. Общественное мнение — 2008. М., 2008.
7. Лапин Н. И., Беляева Л. От стабилизации к интегрированной модернизации России. аналитический доклад центра изучения социокультурных изменений. М., 2011 // http://www.intelros.ru/subject/ross_rasput/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovanoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html
8. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробичева. М., 2002.

*ПУЗАНОВА Жанна Васильевна,
доктор социологических наук, профессор,
кафедра социологии, Российский
университет дружбы народов
pouzanova@rambler.ru
ВДОВИНА Татьяна Витальевна,
аспирантка кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
tatiana_vdovina@hotmail.com*

Дискурс-анализ в социологии: перспективы и проблемы / Discourse analysis in sociology: perspectives and challenges

Аннотация

В статье обозначаются перспективы и описываются основные проблемы, с которыми может столкнуться исследователь, применяющий в своей работе дискурс-анализ. Это достаточно широкий круг проблем концептуального, методологического и методического плана, начиная от обоснования цели исследования, выбора теории и уточнения понятийного аппарата до разработки процедуры отбора материалов для анализа и определения единиц анализа, а также роли и компетентности исследователя-аналитика.

Ключевые слова

Дискурс-анализ; методология; выборка; процедуры анализа; псевдоанализ.

Annotation

The article deals with main perspectives and challenges that may face the researcher, applying discourse analysis. There is a wide range of issues of conceptual, methodological and methodical levels — from the rationale for the purpose of study, choice of theoretical and

conceptual frameworks, to selection of materials to analyze, sampling procedures and specification of units of analysis, as well as the role and competence of the analyst.

Keywords

Discourse analysis; methodology; sampling; analytical procedures; the pseudo-analysis.

При разработке плана исследования социолог должен учитывать как достоинства, так и недостатки выбранных им методологического подхода и методического инструментария. Ниже речь пойдет о некоторых трудностях и проблемах, с которыми исследователь может столкнуться в процессе проведения дискурс-аналитического исследования.

Чаще всего дискурс-анализ обвиняют в отсутствии четкой методологии, которая позволила бы исследователю приблизиться к некому единственно верному и окончательному прочтению того или иного текста. Это связано с главной иллюзией, которую питают социальные исследователи, обратившие свое внимание в сторону дискурс-анализа. Несмотря на то что обычно в научной литературе дискурс-анализ называется методом, таковым он по сути своей не является. Скорее он представляет собой теоретико-методологический подход, в рамках которого существует масса направлений. И каждое из этих направлений предлагает собственную методологию анализа. Мы не будем рассматривать особенности каждого из них, а коснемся проблем, общих для методологии дискурс-анализа.

Первый класс проблем можно обозначить как *теоретико-концептуальные проблемы*. Они связаны с первым этапом дискурс-аналитического исследования, который заключается в описании целей исследования, выбором и формированием теории, а также уточнением понятийного аппарата. Теория — это ключ к использованию дискурс-анализа на практике, о чем зачастую забывают исследователи. На этом, в частности, настаивает Т. ван Дейк, который утверждает, что дискурс-анализ должен опираться на серьезную методологическую и теоретическую базу. Выбранный теоретико-методологический подход должен быть адекватен объекту, предмету и целям исследования, а также той дисциплине, в рамках которой будет осуществляться исследовательский проект.

Отсутствие однозначного определения базовых понятий — одна из главных проблем дискурс-анализа. Так, грань между понятиями «текст» и «дискурс» настолько тонка и подвижна, что в некоторых случаях эти понятия становятся синонимичными и взаимозаменяемыми.¹ Кроме того, стоит учитывать, что в рамках дискурс-анализа существуют различные отраслевые теории дискурса (теория идеологического дискурса, теория этнических дискурсов, теория дискурса социальных меньшинств и др.), каждая из которых также по-своему трактует феномены социальной реальности.²

После того как были описаны основные цели исследования, в соответствии с которыми была выбрана или сформирована теория, включающая в себя определения всех базовых понятий, следует уточнить некоторые *методологические вопросы*, касающиеся отбора материалов для анализа и определения единиц анализа.

Какого рода материалы будет подвергать анализу исследователь, как правило, определяется еще на этапе формулировки целей исследования. Скажем, если нас интересует, какие гендерные роли транслирует реклама, уже на начальном этапе мы должны определить для себя несколько моментов. Во-первых, какого рода реклама нас интересует: реклама в печатных СМИ, наружная рекламная, реклама на радио или телевидении. Дальше нам необходимо понять, как мы будем осуществлять отбор. Осуществляя отбор, необходимо также учитывать следующие факторы: источник материалов (готовые или сгенерированные), авторство материалов, характер материалов (транскрипты интервью, теле-, радиопередач или запись повседневной речи, заметки в журналах, рекламные проспекты и т. д.). Эти факторы очень важны, особенно если в рамках одного исследовательского проекта анализируются различные виды материала. В таких случаях существует соблазн приложить один и тот же дискурс-аналитический метод ко всей совокупности собранных материалов независимо от их вида. С особой осторожностью необходимо подходить к тем исследованиям, в которых анализируются как письменные, так и «неписьменные» тексты (визуальные материалы, произведения искусства, фильмы).

¹ Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Х., 2009. С. 36–52.

² Кожемякин Е. А. Дискурсивный подход к изучению культуры // Современный дискурс-анализ (Электронный журнал). — Бел., 2009. — № 1. — Том 1 // http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf

После осуществления отбора материалов необходимо определиться с единицами анализа. Отбор единиц анализа зависит от целей и теоретико-методологической базы исследования. Здесь стоит обратить внимание на проблему *отбора единиц с неравнозначным статусом* или неравнозначной качественной спецификой.¹ После того как был осуществлен отбор материала и выделены единицы анализа, исследователь приступает собственно к *процедуре анализа*.

Специалисты, занимающиеся проблемами методологии дискурс-анализа, довольно много внимания уделяют вопросу *роли аналитика* при проведении дискурс-аналитического исследования. Без сомнения, от аналитика в данном случае зависит многое, ведь он наделен властью по отношению к исследуемому материалу. Это обусловлено тем, что дискурс-анализ отказывается от идеи о достижении конечной истины в пользу множественности интерпретаций. В этой связи аналитик способен выбирать одну или несколько интерпретаций. Однако власть приписывать значения чужому тексту — тяжкая ноша для хорошего аналитика, ведь осознавая ее наличие, он вынужден всегда быть начеку, постоянно сомневаться, действительно ли обнаруженные им дискурсы присутствуют в тексте, действительно ли изменения в контексте влекут за собой изменения в значении.² Другая проблема — компетентность аналитика. Помимо того что он должен иметь определенные знания в области дискурс-анализа, ему необходимо быть в курсе культурных, политических и социальных тенденций, а также знать историю исследуемого вопроса, т. е. быть компетентным и как читатель, иначе он не сможет раскрыть весь спектр присутствующих в тексте смыслов.

У исследователя могут возникнуть проблемы другого рода. Например, как работать с текстами, значение которых кажется очевидным, банальным. Здесь можно прибегнуть к своего рода этнографическому критическому анализу, чтобы сделать текст «незнакомым», не столь очевидным, чтобы уйти от здравого смысла и посмотреть на него так, как иностранец смотрит на незнакомую ему культуру.

¹ Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. С. 180.

² Burman E., Parker I. Against discursive imperialism, empiricism and constructionism: thirty-two problems with discourse analysis // Discourse Analytic Research: Repertoires and Readings of Texts in Action. — London : Routledge, 1993. — Pp. 155–172.

Поскольку дискурс-анализ довольно «молодой» подход, устойчивых практик его применения в рамках социологии пока не сложилось. Однако проблематика многих исследований выглядит вполне социологичной. Поэтому можем попробовать обрисовать некоторые перспективы его применения.

Во-первых, это социология массовой коммуникации, для которой важно развивать методологию, способную анализировать продукты различных видов коммуникации, а также мультимодальные тексты. В последнее время в рамках мультимодальных исследований активно развивается направление, изучающее цифровые медиа, социальные сети, гипертекстуальность¹. Проблема цифровых технологий и медиа нередко рассматривается с точки зрения другой довольно популярной области социосемиотического анализа — исследований образования.² Как правило, это обращение связано с феноменом «новой грамотности» (*new literacy*)³, который подчеркивает увеличение числа социально обусловленных навыков в контексте не только цифровых технологий, но и других практик. Освоение этих навыков становится необходимым условием успешного «функционирования» в рамках современного общества, например компьютерная грамотность, информационная грамотность, навыки поиска информации, обмена мгновенными сообщениями, ведения блога и т. д. Эти тенденции сопровождаются растущей мультимодальностью коммуникации, в том числе самого учебного процесса⁴. Данные тенденции, безусловно, требуют своего осмысления в рамках *социологии образования*.

¹ Lemke J. L. *Travels in Hypermodality // Visual Communication*. — 2002. 1 (3). — Pp. 299–325.

² Jewitt C. *Technology, Literacy and Learning: A Multimodal Approach*. — London : Routledge, 2006; Lemke J. *Hypermedia and Higher Education / T. M. Harrison, T. D. Stephen (Eds) Computer Networking and Scholarship in the 21st Century University*. — Albany: SUNY Press. — 1996. — Pp. 215–232.

³ Kress, G. *Literacy in the new media age*. London: Routledge. — 2003. — 186; Горбунов-Посадов М. М., Полилова Т. А., Семенов А. Л. *Школа и технологии новой грамотности // Информационные технологии и вычислительные системы*. — 2003. — № 4. — С. 87–99.

⁴ Gunther K., Jewitt C., Ogborn J., Tsatsarelis C. *Multimodal Teaching and Learning: The Rhetorics of the Science Classroom*. — London : Continuum. — 2001. — P. 208.

В социологии науки мультимодальный социо семиотический анализ также может сыграть свою роль, которая, в частности, связана с анализом различных семиотических практик, в особенности невербальных, которые могут выполнять различные информационные функции, например, выступать в качестве иллюстрации или аргументации. Кроме того, подобные семиотические практики формируют определенное видение мира, наполненное своими идеологическими смыслами¹.

Социология рекламы и социология искусства оценят преимущества мультимодального социо семиотического анализа с точки зрения его возможностей обнаруживать значения и смыслы там, где ранее исследователь мог полагаться лишь на интуицию. В частности, теперь возможен совершенно иной подход к анализу артефактов современного искусства, где значения редко бывают дословными.² По-другому может быть проанализирована и практика «приобщения к искусству»: посещения выставок, кино, театра.³ Реклама может быть проанализирована не только с точки зрения эффективности и способов коммуникации, но и с точки зрения того, каким образом она репрезентирует реальность, какие ценности, ролевые модели и стереотипы она несет в себе, т. е. опять же с точки зрения идеологии.⁴

Социология тела — новая специализация в рамках социологии — также может активно применять мультимодальный социо семиотический анализ для анализа семиотических феноменов телесности, например социокультурное и историческое значение загара⁵, тату-

¹ Lemke J. *Multiplying Meaning: Visual and Verbal Semiotics in Scientific Text* / J. R. Martin, R. Veel (Eds) *Reading Science*. London : Routledge. 1998. Pp. 87–113.

² Riley H. *Visual Art and Social Structure: The Social Semiotics of Relational Art* / *International Journal of the Arts in Society*. — V. 6, № 3. — Pp. 21–32.

³ Kress G. *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London, New York : Routledge, 2010. Pp. 39–43.

⁴ Najafian M., Ketabi S. *Advertising Social Semiotic Representation: A Critical Approach* // *International Journal of Industrial Marketing*. — Vol. 1, № 1. — 2011. — Pp. 63–78.

⁵ Vannini P., McCright A. *To Die For: The Semiotic Seductive Power of the Tanned Body* // *Symbolic Interaction*, V. 27, № 33, 2004. — Pp. 309–332.

ировки и т. д., мультимодальных дискурсов тела и о теле, социальных практик самопрезентации и реализации тела как проекта.¹

Это лишь некоторые примеры перспективного применения дискурс-анализа в рамках социологии. У дискурс-анализа как у любого другого исследовательского инструмента есть свои достоинства и недостатки. Дискурс-анализ отличается своей гибкостью и недогматичностью, что дает определенную свободу исследователю. Однако это не означает, что его можно применять как угодно и где угодно. У дискурс-анализа есть свои теоретико-методологические рамки, которые исследователь должен обозначить для себя с самого начала наравне с базовыми принципами анализа данных. Тогда аналитик сможет защитить себя от тенденциозности и искажений — главных врагов научного исследования.

Библиография

1. Горбунов-Посадов М. М., Полилова Т. А., Семенов А. Л. Школа и технологии новой грамотности // Информационные технологии и вычислительные системы. — 2003. — № 4.
2. Кожемякин Е. А. Дискурсный подход к изучению культуры // Современный дискурс-анализ (Электронный журнал). — Бел. — 2009. — № 1. — Том 1 // http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
4. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Х., 2009.
5. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. М., 2008.
6. Antaki C., Billig M.G., Edwards D. and Potter J.A. Discourse Analysis Means Doing Analysis: A Critique of Six Analytic Shortcomings // Discourse Analysis Online. 2003 // <http://www.shu.ac.uk/daol/articles/v1/n1/a1/antaki2002002-paper.html>
7. Burman E., Parker I. Against discursive imperialism, empiricism and constructionism: thirty-two problems with discourse analysis // Discourse Analytic Research: Repertoires and Readings of Texts in Action. London, 1993.
8. Dijk T. A. van. Discourse & Society: a new journal for a new research focus // Discourse & Society. 1990. — № 1.
9. Gunther K., Jewitt C., Ogborn J., Tsatsarelis C. Multimodal Teaching and Learning: The Rhetorics of the Science Classroom. London, 2001.

¹ Shilling, C. The Body and Social Theory. — London : Sage. — 2003. — P. 4.

10. Jewitt C. *Technology, Literacy and Learning: A Multimodal Approach*. London, 2006.
11. Lemke J. *Hypermedia and Higher Education* / T. M. Harrison, T. D. Stephen (Eds.) *Computer Networking and Scholarship in the 21st Century University*. Albany, 1996.
12. Lemke J. *Multiplying Meaning: Visual and Verbal Semiotics in Scientific Text* / J. R. Martin, R. Veel (Eds) *Reading Science*. London, 1998.
13. Lemke J. L. *Travels in Hypermodality // Visual Communication*. — 2002. 1 (3).
14. Kress G. *Literacy in the new media age*. London, 2003.
15. Kress G. *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London, New York, 2010.
16. Najafian M., Ketabi S. *Advertising Social Semiotic Representation: A Critical Approach // International Journal of Industrial Marketing*. — Vol. 1. № 1. — 2011.
17. Riley H. *Visual Art and Social Structure: The Social Semiotics of Relational Art // International Journal of the Arts in Society*. — V. 6. № 3.
18. Shilling, C. *The Body and Social Theory*. London, 2003.
19. Vannini P, McCright A. *To Die For: The Semiotic Seductive Power of the Tanned Body // Symbolic Interaction*, V. 27, № 33, 2004.

*ШАК Федор Михайлович,
кандидат искусствоведения, доцент,
Краснодарский государственный
университет культуры и искусств
fedorshak@gmail.com*

Преодоление оппозиций массовой и элитарной музыки в эпоху постмодернизма / Overcoming of oppositions of mass and elite music during a postmodernism epoch

Аннотация

В статье акцентируются теоретические и методологические проблемы, возникающие при осмыслении постмодернистской музыкальной культуры. Автор считает, что теоретические разработки в сфере искусствоведения и философии, ориентированные на анализ музыки середины XX века, начинают испытывать инфляцию в период прихода постмодернизма. Особое внимание уделяется эстетической равнозначности композиторских опытов в сфере минимализма, молодежной танцевальной музыки и джаза.

Ключевые слова

Массовая культура; минимализм; постмодернизм; джаз; электронная музыка.

Annotation

In article the theoretical and methodological problems arising at judgement of postmodernist musical culture are accented. The author considers that theoretical workings out in the art criticism and philosophy sphere, the music of the middle of the XX-th century focused on the analysis, start to test inflation in postmodernism arrival. The special attention is given to aesthetic equivalence of composer experiences in sphere of minimalism, youth dancing music and a jazz.

Keywords

Mass culture; minimalism; postmodernism; jazz; electronic music.

Наиболее значительной проблемой, затрудняющей процессы исследования массовой музыки XX века, можно назвать отсутствие единства в теоретических и концептуальных подходах к ее изучению. Лучшие образцы советского музыковедения, представленные именами Б. Асафьева, Л. Мазеля, В. Холоповой, концентрируются на рассмотрении академических форм искусства. Следует уточнить, что классическая музыка является территорией с заведомо установленной легитимностью. Обращаясь к творчеству П. Чайковского или Д. Шостаковича, мы имеем дело с материалом, бытие которого уже классифицировано и наделено глубоким художественным статусом. Все это в некотором смысле облегчает труд исследователя, поскольку от него никто не требует обоснования статуса анализируемого им материала. В отличие от классического наследия, популярная музыка изначально несет в себе совокупность сомнительных коннотаций. По справедливому утверждению А. Цукера, музыковедение «не избавилось от эстетического снобизма, прямо или в форме молчаливого игнорирования оценивая все, что находится за пределами академической музыки»¹.

Здесь перед нами возникает антиномия, поскольку очевидно, что если искусствоведение сделает предметом своего изучения сферу, по определению искусством не являющуюся², в этом случае оно начнет противоречить своей сути. Представляется важным также отметить, что XXI век, характеризуемый активной фазой постмодернизма, пересматривает и снимает противоречия между элитарными формами композиторского творчества и сферой массовой музыки. В рамках данной публикации основной нашей целью будет рассмотрение изменений, произошедших в музыке второй половины XX века.

Для решения поставленной задачи мы проанализируем некоторые образцы творчества трех ярких представителей современной музыки — С. Райха, М. Витюка и П. Метини, принадлежащих к таким, на первый взгляд, разным направлениям, как минимализм, электронная танцевальная музыка и джаз. С. Райх, являющийся безуслов-

¹ Цукер А. Единый мир музыки : Избранные статьи. Ростов н/Д : Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 2003. 223 с.

² Например, шансон или эстрадные песни.

ным новатором экспериментального творчества, находился под влиянием не только классических композиторов, но и джазовых импровизаторов, в первую очередь — Джона Колтрейна. Подобные влияния говорят о том, что у Райха имелось весьма индивидуальное, основанное на высоком уровне плюрализма понимание эстетического бытия музыки. Его творчество является примером перехода в релятивистское, пребывающее в постоянном становлении и изменении пространство постмодерна. В современной импровизационной музыке на протяжении 30 лет остается востребованным имя гитариста П. Метини. Его стилистика может быть характеризована в категориях пограничного явления, сочетающего в себе бесконфликтную инструментальную музыку, джазовые фразировки и медитативные элементы, свойственные постмодернистскому стилю нью-эйдж¹.

Длительное сотрудничество Метини с аранжировщиком Л. Мэйсом отразилось на их совместном творчестве.² Также нам хотелось бы выделить событие, связанное с выпуском американской компанией Nonesuch антологии творческих достижений С. Райха, получившей название «Phases»³. Поспешим отметить тот факт, что в записи некоторых из представленных на этом диске произведений принял участие П. Метини. Особый интерес для нашего исследования представляет состоящее из трех частей сочинение «Electric Counterpoint». Открывающая его композиция «Fast» начинается с фрагмента,

¹ Нью-эйдж представляет собой многоплановый феномен современной культуры. Он интегрирует синкретичные, проникнутые буддологическими и индуистскими контекстами формы философии. Помимо этого, нью-эйдж получил развитие и в сфере музыкальной выразительности. Основными, присущими версии этого стиля отличительными чертами можно назвать медитативность, акцентирование гипнотических свойств музыки, достигаемое посредством повторяемых однотипных мелодических структур. Подробное рассмотрение эстетической специфики стиля нью-эйдж см. в нашей работе: Шак Ф. М. Феномен джаза. Краснодар : КГУКИ, 2009. 156 с.

² В музыку джаз-рокового коллектива Метини Л. Мэйс привнес идеи, близкие к композиционным приемам С. Райха. В композициях альбомов «The Way Up» мы слышим репититивное повторение созданных арпеджиатором цифрового синтезатора однотонных структур, аналогичное приемам, типичным для мышления Райха. См. подробнее их диск: Pat Metheny Group. The Way Up — Live. — Eagle Rock, 2006.

³ Steve Reich. Phases. — Nonesuch, 2006.

наделенного джазовой фразировкой, который затем закольцовывается «дилейными»¹ повторами, переплавляющими индивидуальную джазовую окраску гитары Метини в некое унифицированное репитивное пространство, лишённое конца и начала.

Очень важно понимать, что Метини не растворяется в композиторских идеях Райха, но, наоборот, в полной мере сохраняет авторский звук и подачу. Развивая эту тему, мы считаем необходимым внести еще один важный штрих и упомянуть о том, что в период 2010–2011 гг. С. Райх положил начало удивительной по своей художественной толерантности инициативе. Он инициировал проведение конкурса ремиксов, в котором авторам современной электронной музыки предлагалось сформировать свое видение и прочтение современного минимализма. В интервью телеканалу BBC Райх высказал мнение о том, что специфика ремиксов не несет в себе новаторской природы и не может быть охарактеризована в категориях достижений музыки нового века. Напротив, корни этого явления композитор видит уже в вариациях И. Брамса на музыку Й. Гайдна, а также примерах художественных влияний, наблюдаемых в историческом становлении западной классической музыки.²

Одним из победителей конкурса стал украинский продюсер М. Витюк, более известный в клубном мире под псевдонимом *Vacula*. Витюк представил достаточно развитый пример динамичной танцевальной музыки, построенной на циклически повторяющихся последовательностях звуков, дополняющихся однотипной, звучащей с небольшим ритмическим противосложением партией баса. Общее эстетическое впечатление от сделанного М. Витюком ремикса может быть сформулировано следующим образом: перед нами современное и в своем роде очень бережное прочтение музыки выдающегося минималиста³. Удивительным можно назвать и то, что тонкая художественная механика, типичная для произведений Райха, в полной мере сохраняется при переводе свойственных его творчеству

¹ Дилей — электрический звуковой эффект, формируемый за счет добавления к исходному сигналу его копий, имеющих незначительную задержку по времени.

² Выдержки из интервью Райха каналу BBC приведены на сайте компании Nonesuch по адресу: <http://www.nonesuch.com/albums/2x5-remixed>

³ Ремиксы М. Витюка включены в диск, получивший название *2x5 remixed*. Он был выпущен компанией Nonesuch Records в 2011 г.

идей в пространство танцевальной музыки¹. Таким образом, творчество самого Райха, ремиксы на темы его сочинений, выполненные в стилистике современной клубной музыки, а также инспирированные его идеями джазовые опыты гитариста Пэта Метини демонстрируют нам отсутствие взаимного эстетического сопротивления. Все вышеприведенные образцы музыки в полной мере равноправны и способны существовать вне модернистской иерархии и других систем ранжирования, свойственных искусствоведческим теориям прошлых лет.

Расширяя аналитическое рассмотрение данной проблемы, обратимся к теоретическим построениям выдающегося советского музыковеда В. Конен. Развита Валентиной Джозефовной теория трех пластов может быть названа одной из наиболее цитируемых и востребованных концепций типологизации музыки массовых и элитарных жанров². Следуя за выводами, предложенными В. Конен, необходимо вести речь о существовании профессиональной музыки (первый пласт), включающей в себя устоявшиеся академические образцы, а также различные экспериментальные и элитарные формы искусства. Фольклорные традиции, растворенные в пространстве аутентичной культуры, будут иметь отношение ко второму пласту, в то время как третий пласт вберет в себя массовые виды музыки. Очевидно, что имеющая сильное тяготение к культурологической парадигме типология В. Конен привнесла в исследования советского и постсоветского времени массу новой, прорывной для своего времени информации. Давайте теперь зададимся вопросом, могут ли взаимосвязи, обнаруженные в творчестве С. Райха, П. Метини, а также украинского продюсера М. Витюка, быть рассмотрены с точки зрения теории трех пластов? Ответ на этот вопрос, что очевидно, будет иметь отрицательное значение.

Дело в том, что в вышеприведенных музыкальных примерах мы видим новую постмодернистскую организацию эстетических и художественных элементов, организацию, базирующуюся на принципах толерантности, консенсуса и плюрализма. При поверхностном

¹ Выражаясь расхожим постмодернистским определением, можно сказать, что электронное прочтение Райха Витюком ничуть не лучше и не хуже оригинала.

² Конен В. Д. Третий пласт: новые массовые жанры в музыке XX века. М. : Музыка, 1994. 160 с.

рассмотрении опыта П. Метини и М. Витюка имеют прямое отношение к массовой музыке, в то время как творческие построения С. Райха обладают более сложной, требующей глубокой музыковедческой и философской подготовки механикой. Поспешим заметить, что это не совсем так. При сопоставлении минимализма с предшествующими ему формами сложноструктурированных композиторских дискурсов, например с авангардом, можно выявить достаточно впечатляющие отличия. Очевидно, что музыка, представленная такими композиторами-минималистами, как С. Райх, Д. Кейдж и Ф. Гласс, находится в несколько ином поле, нежели построения авангардистов Ч. Айвза, В. Лютославского, К. Пендерецкого.

Сложность в данном случае нам видится в том, что творчеству подавляющего количества авангардистов присущи бескомпромиссность и, выражаясь словами Хосе Ортеги-и-Гассета, «дегуманизация» музыкального языка. Воспитание слушателя, способного видеть красоту и космос в неблагозвучности, диссонансах, кластерах и политональных ходах, занимает долгие годы и сопряжено с целым рядом индивидуальных усилий. Если же мы теперь посмотрим в аналогичном ключе на минималистскую музыку, то вынуждены будем констатировать присущую ей демократичность и открытость к многоуровневым прочтениям. Концептуальные построения, идущие в качестве специального разъяснения и комментария к музыке С. Райха, Ф. Гласа, Л. Монте Янга и Д. Кейджа (а также других минималистов), создают ключ к пониманию тонкой философской оснастки их дискурсов. Однако — и это следует подчеркнуть особо — минимализм, в первую очередь произведения С. Райха, можно слушать и без балласта пояснительных концептов. В этом случае музыка Райха превратится в подобие бесконфликтного звукового фона. Более того, она может быть уместной в самых различных, в том числе и вполне стереотипных, ситуациях, например для озвучивания больших торговых залов, лифтов и досуговых заведений. Таким образом, созданный Райхом вид минималистского мышления способен раскрываться как в философском контексте (наполняющим его музыку многочисленными означающими), так и вне его¹.

Аналогичные процессы бытования минимализма можно обнаружить и в музыке нашего соотечественника А. Батагова. Написанные

¹ В последнем случае он превращается в ненавязчивую и лишённую способности удерживать внимание слушателя музыкальную форму.

им для телеканала «Культура» зарисовки, звучащие в перерывах и заставках, идущих между передачами, примиряют неразделимые на первый взгляд полюсы «высокой» и «низкой» культуры. Телевизионная музыка Батагова, безусловно, имеет минималистские корни, однако благодаря присущей ей простоте языка она хорошо ложится на слух неискушенной публики. В данном контексте следует задаться вопросом: можем ли мы помыслить, чтобы в рекламном, досуговом или торговом пространстве играл А. Шенберг, Ч. Айвз или А. Веберн? Чтобы музыкальный редактор, работающий в сфере ТВ или радио, рискнул озвучить прогноз погоды фрагментом «Моисея и Аарона» или «Лунного Пьеро»¹? В то же время музыка А. Батагова и С. Райха, будучи феноменом с отключаемыми философским и интерпретационным слоями, вполне подходит для исполнения и воспроизведения в консерваториях, торговых центрах и телевидении. Минимализм, по сути, находится сразу в двух эстетических состояниях, обнаруживающих принадлежность как к сфере условно элитарной культуры, так и к пространству массовой музыки. В данном контексте нам представляется важным вспомнить беспрецедентно важную теорию дегуманизации искусства, высказанную в середине XX в. испанским мыслителем Хосе Ортегой-и-Гассетом². Более того, мы считаем, что как теория Гассета, так и предложенная Конен типологическая концепция трех пластов должны быть пересмотрены в категориях исторических изменений, внесенных в современную культуру постмодернизмом.

Следует констатировать, что теоретические концепции О. Гассета и В. Конен точно описывают процессы культуры, характерные для

¹ «Моисей и Аарон» и «Лунный Пьеро» — наиболее знаковые произведения А. Шенберга, наделенные сложным авангардистским композиторским языком.

² Такие значительные явления, как представленный в творчестве И. Стравинского, П. Хиндемита неоклассицизм, а также авангардистские формы мышления и организации материала, знаменуют собой тотальный отрыв от художественной парадигмы XIX века. Модернистское искусство в силу новизны, перестройки критериев языка, семантики и выразительности предьявляло слишком много новаций, которые по определению не могли быть адекватно оценены широкой общественностью. Гассет, отслеживавший «кипение» модернистских новаций, счел необходимым назвать этот эстетический процесс определением «дегуманизация искусства».

середины XX в. Более того, любые попытки оппонирования и спора с их теориями кажутся нам избыточными и преждевременными. Очевидно, что построенные на взаимном разделении виды массовой и элитарной музыки эпохи модерна в полной мере укладываются в описательную логику, заданную работами этих исследователей. В то же время нам следует учитывать тот факт, что постмодернизм приносит новые смыслы, создавая тем самым предпосылки фундаментального пересмотра содержательных свойств культуры. На примере творческих достижений С. Райха, П. Метини и М. Витюка мы видим принципиально новые формы существования и коммуникации экспериментальной и устоявшейся массовой музыки. В первую очередь нужно сказать о том, что их творчество в определенном смысле проблематизирует теорию дегуманизации искусства.

Музыка второй половины XX века существенно изменилась именно под давлением постмодернистских схем. Пиковое искусство модерна дегуманизировано по определению. Понимание опусов И. Стравинского, А. Шенберга или холодного математического мышления, свойственного А. Веберну и П. Булезу, по сути, требует экстраординарной интеллектуальной отдачи от их слушателя. Однако постмодерн и идущий вслед за ним релятивизм перестраивают сферу интеллектуальных содержаний таким образом, что проблема дегуманизованного слоя в композиторском языке, по сути, снимается. В русле данного вопроса весьма точно выразился радикальный американский публицист А. Парфрей, указавший на то, что сегодняшнее искусство и музыкальная культура «по большей части создаются просто как обволакивающая реакция на свою собственную историю. Их практики легко воспроизводятся в постмодернизме, который схватывает форму, почти не отражая суть оригинала»¹. Очевидно, что точка зрения, высказанная Парфреем, содержит элементы истины. Электронные композиции М. Витюка со всей определенностью схватывают звуковые и ритмические идеи, свойственные композиционным полотнам С. Райха, однако отражение сути оригинала в них отсутствует. Любые попытки описания и эстетического ранжирования музыки М. Витюка и С. Райха с позиций теорий дегуманизации искусства и трех пластов приведут лишь к схоластике и общей алогичности. Очевидно, что эстетическая природа музыки

¹ Культура времен Апокалипсиса / Под ред. А. Парфрея. Пер. с англ. А. Ве-
дошкина и др. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005. С. 8.

периода постмодерна претерпела колоссальные изменения. Нам следует констатировать необходимость обновления и пересмотра устоявшихся теорий, а также привлечения новых методологических парадигм. Только при соблюдении этих требований можно обновить музыковедение, сделав его открытым для анализа образцов музыкального искусства XXI в.

Библиография

1. Конен В. Д. Третий пласт: новые массовые жанры в музыке XX века. М., 1994.
2. Культура времен Апокалипсиса / Под ред. А. Парфрея. Пер. с англ. А. Ведюшкина и др. Екатеринбург, 2005.
3. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Авторский сборник. М., АСТ, АСТ Москва, 2008.
4. Райх С. Интервью каналу BBC / <http://www.nonesuch.com/albums/2x5-remixed>
5. Цукер А. М. Единый мир музыки : Избранные статьи. Ростов н/Д, 2003.
6. Шак Ф. М. Феномен джаза. Монография. Краснодар, 2009.

АРХИВ МИСКП

В преддверии подготовки к зимним Олимпийским играм — 2014 в г. Сочи мы публикуем материалы социологического исследования «Москвичи об Олимпиаде-80». Редколлегия журнала надеется, что мнения москвичей об этом знаменательном спортивном и общественном событии будут интересны для оценки мероприятий, связанных с Олимпиадой-2014. Ниже мы приводим текст отчета о результатах социологического исследования, проведенного Институтом социологических исследований АН СССР при участии Московской городской организации Общества «Знание» в 1979 г.¹

Отношение к Олимпиаде

Исследование зафиксировало достаточно высокую степень единодушия москвичей в их отношении к предстоящей Олимпиаде. 81,7% опрошенных положительно оценивают факт проведения Олимпийских игр в советской столице. Среди них представители всех социально-демографических групп: трудящееся население города, пенсионеры, школьники, студенты, домохозяйки. Эта позитивная оценка мотивируется в первую очередь тем, что Олимпиада будет способствовать укреплению мира и дружбы между народами (45,2%); предоставит ее участникам и гостям возможность лучше

¹ Исследование проводилось в восьми районах г. Москвы: Бабушкинском, Железнодорожном, Киевском, Октябрьском, Пролетарском, Свердловском, Севастопольском, Сокольническом. В данных районах методом анкетирования по месту жительства было опрошено 919 москвичей, отобранных по общегородской случайной выборке с использованием списков избирателей (подобный метод в Москве применяется впервые). Таким образом, выборочная совокупность является представительной для населения всей Москвы в целом (в возрасте от 14 лет и старше). Надежность выборки подтверждается ее сопоставлением с данными статистического управления г. Москвы: по социально-демографическим признакам населения отклонение в целом по основным признакам (пол, партийность, возраст и т. д.) не превышает 1–3%.

узнать советскую действительность, советский образ жизни, будет способствовать укреплению авторитета нашей страны на международной арене (14,4%); приведет к улучшению благоустройства города и увеличению числа спортивных сооружений и гостиниц (9,7%). Обращает на себя внимание тот факт, что со времени проведения пробного (пилотажного) исследования (в апреле — мае 1979 г.) в сознании москвичей произошла серьезная переоценка положительных черт, признаков, которыми они наделяют предстоящую Олимпиаду. Так, например, если полгода назад москвичи оценивали Олимпиаду прежде всего как крупное международное спортивное и культурное мероприятие (27,5% — апрель — май 1979 г., 3,3% — сентябрь — октябрь 1979 г.), то в настоящее время акцент сделан в первую очередь на политическом и идеологическом значении Олимпиады.

Группа москвичей, выразивших отрицательное отношение к факту проведения Олимпийских игр в столице, невелика по объему — 6% от общего числа опрошенных и практически идентична данной группе, выявленной в пилотажном исследовании. В составе этой группы представители практически всех социально-профессиональных групп (5,3% — рабочие, 7,3% — ИТР, 8,4% — интеллигенция, занятая не на производстве, 4,3% — служащие сферы обслуживания, 6% — пенсионеры) независимо от пола, возраста, образования. Как свидетельствуют результаты исследования, самое серьезное влияние на характер отношения к Олимпиаде оказывает вовлеченность человека в общественную деятельность. Так, например, среди лиц, оценивающих проведение Олимпиады в Москве как явление отрицательное, преобладают люди, не ведущие никакой общественной работы, мало социально активные.

Определенная часть москвичей выразила озабоченность в связи с предстоящей Олимпиадой. Так, 42,9% респондентов связали проведение Олимпиады в Москве с различными отрицательными последствиями как для государства в целом, так и для отдельной личности. Среди этих последствий преобладают следующие: возможность занесения и распространения инфекционных заболеваний (18,7%); возможность вредительства, диверсий, провокаций (8,6%). Следует отметить при этом, что некоторые естественные изменения в привычном ритме жизни москвичей в связи с подготовкой и проведением Олимпиады-80 в настоящее время (при пилотаже была выявлена несколько иная ситуация) воспринимаются населением как явление вполне закономерное.

	Основное исследование (в %)	Пилотажное исследование (в %)
Трудности с транспортом, снабжением города, работой ряда учреждений	0,8	4,3
Нарушение планового строительства (замораживание строительства жилья, ряда промышленных объектов и т. п.)	0,4	1,5
Чрезмерные затраты финансовых средств на организацию и проведение Олимпиады	0,3	1,8

Основное исследование подтвердило слабую фокусировку внимания населения Москвы на возможные отрицательные последствия Олимпиады в идейно-политической сфере. Лишь 7,2% респондентов прогнозируют усиление буржуазного влияния и пропаганды в связи с проведением Олимпийских игр в Советском Союзе.

Однозначно данную ситуацию оценить нельзя, т. к., с одной стороны, это может служить доказательством уверенности москвичей в идейно-политической зрелости советских людей¹, а с другой — определенной недооценкой существенной опасности. Во всяком случае, очевидно, что на формирование подобной оппозиции москвичей оказывают влияние материалы средств массовой информации и пропаганды, в которых проблеме активизации деятельности буржуазных средств пропаганды в связи с проведением Олимпийских игр в советской столице отводится не столь уж значительное место. Поэтому вполне закономерно, что 26,7% респондентов ока-

¹ Этот вывод подтверждают и следующие данные: лишь 13,3% опрошенных полагают, что Олимпиада может в сильной степени способствовать усилению буржуазного влияния на отдельные группы населения, 12% — увеличению случаев поведения, несовместимого с коммунистической моралью; только 5% оценивают беседы с иностранцами как источник распространения чуждых нам идей и взглядов.

зались не в состоянии оценить возможность и степень буржуазного влияния на различные слои населения.

Более трети опрошенных (37,4%) не связывают проведение Олимпиады в Москве вообще с какими-либо отрицательными последствиями.

Таким образом, результаты исследования еще раз убедительно подтвердили, что население Москвы в целом положительно относится к факту проведения в столице Олимпийских игр, хотя при этом 12,1% респондентов, преимущественно лица с начальным образованием, рядовые работники предприятий и учреждений, не ведущие общественной работы, оказались не в состоянии оценить свое отношение к Олимпиаде (в ходе пилотажа их было выявлено лишь 6%), а часть москвичей не представляет себе четко как положительных (15%), так и отрицательных (11%) последствий Олимпиады.

Выявлено, что за период времени, истекший от проведения пробного (апрель — май 1979 г.) до основного (сентябрь — октябрь 1979 г.) исследований, москвичи стали четче и глубже осознавать политическое и идеологическое значение Олимпиады. Налицо зримый результат целенаправленного пропагандистского воздействия. Несомненно, большая работа в направлении формирования у населения политически грамотного и идейно-зрелого отношения к Олимпиаде была проделана за этот период средствами массовой информации и пропаганды, советскими, партийными, профсоюзными, комсомольскими органами. Но очевидна и необходимость более пристального и целенаправленного внимания, разъяснительной работы среди групп населения, не вовлеченных в общественную деятельность, мало социально активных, с низким уровнем образования.

Интерес москвичей к Олимпиаде

В целом предстоящие Олимпийские игры в Москве можно причислить к событиям, вызывающим максимально высокий интерес у жителей столицы. Почти 90% опрошенных ответили утвердительно на вопрос об интересе к различным аспектам проведения Олимпиады.

Переходя к более детальному рассмотрению различных сторон подготовки к данному событию, можно указать 8 вопросов, к которым абсолютное большинство москвичей проявляет особенно большой интерес. Это вопросы благоустройства города, развитие внутригородского транспорта и связи, сферы обслуживания (от 84 до 69%

опрошенных). Значительный интерес проявляется по отношению к культурной программе Игр, подготовке сборной команды нашей страны. 50% опрошенных очень интересуется расширением олимпийской тематики в передачах средств массовой информации. Высокий уровень интереса зафиксирован также в отношении олимпийского жилищного строительства и торговли промтоварами и сувенирами.

Каждый третий респондент заявил, что его не интересуют вопросы, связанные с увеличением притока в Москву зарубежных туристов, а почти четверть опрошенных (точнее, 23,5%) не интересуются подготовкой к встрече с зарубежными гостями. По-видимому, существенная часть жителей города пока не намерена каким-либо образом реагировать на предстоящий приезд большой группы иностранных спортсменов и гостей. Этот аспект проведения Олимпийских игр многими еще просто не осознается.

Наконец, определенным показателем интереса к Олимпиаде является отношение к самому опросу. Существенно то, что три из четырех анкетированных считают проведение данного опроса полезным. О его результатах просят информировать многие анкетированные, а также сами анкетеры и работники соответствующих райкомов партии. Поэтому представляется полезным информировать москвичей о некоторых результатах настоящего исследования.

Представления об интересе москвичей к Олимпиаде могут быть дополнены с учетом их социально-демографических характеристик.

Например, в целом интерес женщин к Олимпиаде идентичен интересу мужчин, хотя в ряде конкретных вопросов здесь имеются определенные расхождения.

Зафиксирован относительно большой со стороны женщин интерес к преолимпийской торговле, а также к программе культурных мероприятий. Заметные трудности вызвал у женской аудитории вопрос о полноте освещения олимпийской тематики в материалах московских средств массовой информации.

На ряд спортивных, организационных, технических вопросов женщины затрудняются ответить значительно чаще, чем мужчины. Это обстоятельство, с одной стороны, подтверждает традиционные «мужские предпочтения» по ряду тем, в то же время оно указывает на недостаточное внимание московских средств массовой информации к женской аудитории.

Влияние профессии на интерес к Олимпиаде оказалось весьма значительным. Особо здесь следует выделить группу пенсионеров,

ответы которых часто значительно отличаются от ответов других категорий опрошенных. Поскольку эта группа сама по себе достаточно многочисленна, следует, видимо, учитывать ее специфические запросы при проведении различных организационно-пропагандистских мероприятий.

Особый интерес к увеличению притока в Москву зарубежных туристов, значительно более высокий, чем интерес других профессиональных групп, проявили: представители интеллигенции, не занятые на производстве (56% интересуется или очень интересуется этот вопрос); студенты (62%) и учащиеся старших классов (78%).

Анкетируемые с различным уровнем образования в разной мере интересуются предстоящим событием.

Специфические интересы зафиксированы в группах с начальным, а также с высшим и незаконченным высшим образованием.

Так, например, на вопрос, вызвавший максимальное единодушие, «Интересуют ли Вас вопросы, связанные с проведением Олимпийских игр 1980 года?» почти каждый четвертый опрошенный с начальным образованием ответил отрицательно или затруднился ответить. Лица с высшим и незаконченным высшим образованием проявили относительно меньший интерес к расширению олимпийской тематики в московских средствах массовой информации. Видимо, дополнительный материал по этой теме должен быть более популярным, рассчитанным на менее подготовленную аудиторию, поскольку интерес более образованных реципиентов, по-видимому, удовлетворен в достаточной степени.

Наименьший интерес к Играм зафиксирован среди людей в возрасте 50–59 лет. По-видимому, речь идет о людях, еще не вышедших на пенсию, более высокого социального статуса, относительно более занятых, чем другие.

Уменьшение интереса к притоку зарубежных туристов совпадает с увеличением возраста анкетированных.

Обсуждение москвичами проблем, связанных с Олимпиадой-80

В трудовых и учебных коллективах осуществляется целенаправленное воздействие со стороны партийных, профсоюзных, комсомольских органов, средств массовой информации и пропаганды на формирование общественного мнения трудящегося населения

в связи с Олимпиадой-80. Произведенное исследование, в частности, зафиксировало, что москвичи весьма активно включены в процесс обсуждения вопросов, связанных с подготовкой и проведением Олимпийских игр. В рамках трудовых и учебных коллективов различные аспекты данной проблемы обсуждали более 65% опрошенных. Однако по-прежнему, как и полгода назад, обсуждения эти происходят в первую очередь на неформальном уровне, т. е. на уровне межличностного общения — в беседах с товарищами по совместной работе и учебе. Об этом заявили 41,1% респондентов.

В то же время обращает на себя внимание и тот факт, что за истекший период вопросы, связанные с Олимпиадой-80, значительно чаще стали обсуждаться в трудовых коллективах на собраниях самого различного типа (партийных, комсомольских, профсоюзных, общих). Так, если аудитория собраний с подобной повесткой дня составила в апреле этого года 25,5%, то к октябрю она увеличилась до 33,6%.

Агитаторы, политинформаторы в своих выступлениях также несколько чаще стали освещать различные стороны подготовки к проведению Олимпиады в Москве, о чем заявили 15,9% опрошенных (ранее эта группа составляла 12%). 14,5% москвичей присутствовали на лекциях, где в той или иной степени затрагивалась данная тема, 7% обсуждали ее на занятиях в системе марксистско-ленинской учебы, 6,4% слушали передачи радиоузла своего предприятия, учреждения, учебного заведения.

Спектр вопросов, связанных с организацией Олимпийских игр в советской столице, которые становятся предметом обсуждения в трудовом и учебном коллективах, неширок и ограничивается, как правило, пятью основными темами. Это прежде всего помощь олимпийским стройкам (как указывают 37,6% респондентов); вопросы благоустройства города (35,4%), вопросы идейно-политической подготовки к Олимпиаде (21,9%)¹; возможность приобретения билетов на Олимпиаду (16,6%); подготовка советских спортсменов к Олимпиаде (14,8%).

Оценивая в целом интенсивность и характер процесса обсуждения москвичами олимпийской проблематики, можно констатировать, что работники партийных и общественных органов, средства массовой информации и пропаганды предприятий и учреждений города,

¹ В пилотажном исследовании идентичная группа составила 16,5%.

учебных заведений стали больше внимания уделять проблеме информирования трудящихся о различных аспектах подготовки и проведения Олимпиады-80, активизировали воспитательную работу по формированию политически зрелого отношения москвичей к этому важному международному событию. Хотя очевидно, что далеко не все формы и методы пропагандистского воздействия используются при этом в равной мере интенсивно и систематически, в силу чего нерегулируемый канал межличностного общения приобретает неправомерно высокое значение в системе источников информации, определяющих отношение населения к Олимпиаде-80.

Контакты с иностранцами и позиция москвичей

Большинство москвичей выразили желание познакомиться, если представится возможность, с иностранными спортсменами или туристами (лишь 18,5% опрошенных не хотят встречаться с иностранцами). Число желающих контактировать только с представителями капиталистических и только социалистических стран примерно равное (соответственно 23,2 и 22,1%). Однако «наполнение» указанных двух групп различное, что объясняется действием прежде всего факторов возраста, рода занятий и образования.

Наибольший интерес к контактам с представителями только капиталистических стран проявляют молодые лица в возрасте 16–19 лет, в более старших возрастах этот интерес устойчиво понижается. Противоположная картина наблюдается в отношении социалистических стран. Лишь 8,3% группы 16–19 лет хотело бы встречаться только с представителями соцстран, но с увеличением возраста наблюдается постоянное нарастание числа людей, заинтересованных в таких контактах (группа 40–49 лет — 25,4%, группа 50–59 лет — 27,0%). Интерес к встречам с представителями развивающихся стран минимальный (о нем заявило менее 2% опрошенных).

Из профессиональных групп склонность к контактам с представителями только капиталистических стран в наибольшей степени проявляют интеллигенция, не занятая на производстве (29,9%), ИТР (27,8%), студенты (48,5%), школьники (46,4%). Контакты только с представителями соцстран привлекают внимание прежде всего служащих аппарата предприятий и учреждений (29,7%) и рабочих (28,8%).

Из капиталистических стран наибольший интерес вызывают США. С представителями этой страны хотело бы познакомиться 17,0% опрошенных. С американцами выражают желание контактировать примерно треть опрошенных студентов и школьников, четверть представителей интеллигенции, не занятой на производстве. Пик интереса к контактам с представителями США находится в возрастной группе 16–19 лет (31,9%), которая расположена в окружении двух меньших «пиков» — группы 14–15 лет (25%) и 20–29 лет (24,9%). В группах 30–49 лет интерес к США значительно падает, достигая средних величин (порядка 16–17%), затем происходит его дальнейшее падение.

Примерно аналогичная картина наблюдается в отношении контактов с представителями Франции (интерес к контактам с представителями этой страны высказало 10,4% опрошенных), Великобритании (7,5%), других капиталистических стран (17,2%).

Таким образом, желание вступить в контакт с представителями капиталистических стран, в первую очередь с американцами, наиболее характерно для молодых людей в возрасте 14–29 лет — школьников, студентов, интеллигенции, не занятой на производстве, а также представителей ИТР.

Из соцстран наибольший интерес вызывают контакты с гражданами ГДР (с представителями этой страны изъявило желание встретиться 12,1% опрошенных) и Болгарии (9,1%). К этим странам проявляется умеренный интерес практически во всех социально-демографических группах (особенно это относится к ГДР), среди которых лидирующее положение занимает группа рабочих.

Члены КПСС проявляют практически одинаковую заинтересованность в контактах с представителями как капиталистических, так и социалистических стран (соответственно, 22,8 и 22,3%), интерес беспартийных ориентирован больше на соцстраны (25 против 16,3%), зато члены ВЛКСМ явно ориентированы на установление контактов только с представителями капстран (39 против 15,5%).

Анализ причин, побудивших респондентов сделать тот или иной выбор при решении вопроса об установлении контакта с представителями разных стран, показывает, что эти причины связаны с:

- а) общим интересом к стране;
- б) специфическим интересом (знание языка, посещение страны, интерес к спорту в данной стране);

в) «аналитическим интересом» (стремление получить информацию о жизни стран с различным социальным строем).

Наибольшее значение для выбора стран, с которыми бы хотели контактировать респонденты, имеет общий интерес (интерес к различным сторонам жизни стран, к обычаям, нравам, чертам национального характера). Больших различий между профессиональными группами здесь нет, хотя и следует отметить повышенный интерес со стороны ИТР, студентов и школьников, лиц более молодого возраста и более образованных. Специфические интересы, определяющие выбор для контактов, — знание языка страны, например, — характерны для молодежных групп, интерес к вопросам спорта — для рабочих, интерес, связанный с пребыванием в стране, — для пенсионеров.

О стремлении получить информацию о жизни страны с различным социальным строем заявило довольно незначительное число респондентов (5,8%). Среди них большой удельный вес имеют ИТР, интеллигенция, не занятая на производстве, студенты.

Респонденты назвали довольно широкий набор тех примечательных сторон жизни, о которых бы они рассказывали иностранцу при встрече во время Олимпиады. В ответах были выделены такие черты, как: советский образ жизни (19,7%), система образования и воспитания (10,6%), развитие экономики, науки и техники (7,4%), социалистическая идеология и демократия (6,9%), система здравоохранения и медицинского обслуживания (6,5%).

Советский образ жизни как наиболее примечательную черту нашей жизни наиболее часто называют ИТР, рабочие, служащие, наименее часто (по сравнению с другими профессиональными группами) — интеллигенция, не занятая на производстве. У рабочих выявляется такая иерархия примечательных черт: советский образ жизни (20,6%), система образования и воспитания (8,2%), система здравоохранения и медобслуживания (5,9%), развитие экономики, науки и техники (5,3%).

Обращает на себя внимание, что на данный вопрос более чем 30% опрошенных затруднились дать ответ. Практически забытой оказалась такая черта нашей жизни, как стремление советских людей к миру и дружбе между народами (она была отмечена только 3,7% респондентов).

При ответе на вопрос «О каких недостатках Вы бы сочли возможным рассказать иностранному гостю?» респонденты решили, очевидно, «не выносить сор из избы». Так, 26,1% опрошенных считают,

что недостатки есть, но говорить о них с иностранными гостями не нужно, 9,9% заявили о намерении отрицать наличие недостатков в нашем обществе, 4,2% — о желании «замять» разговор на данную тему.

Из тех, кто готов обсуждать с иностранцами недостатки, думают подвергнуть критике прежде всего сферу обслуживания, торговлю и легкую промышленность (8,2% всех опрошенных), среди них наиболее критичное отношение высказывают представители интеллигенции, не занятой на производстве, и ИТР. Как на вопрос о наших преимуществах, так и на вопрос о недостатках не дали ответа около трети опрошенных.

Лишь менее половины опрошенных (47,8%) указали на свое стремление переубеждать иностранного гостя, если он выскажет мнения, отличные от их собственных. Одна пятая предпочитает занимать пассивную позицию («выслушаю, но сам вступать в спор не буду»), чуть меньше одной пятой придерживается полупассивной позиции («попытаюсь сгладить противоречия и не акцентировать на них внимания»).

Позиция переубеждения собеседника характерна прежде всего для мужчин, чем для женщин (53,1 против 43,3%), для более образованных и более молодых (особенно возраста 16–29 лет), для студентов, интеллигенции, не занятой на производстве, служащих. Пассивная позиция характерна в большей степени для людей старших возрастов (50 и более лет), более низкого уровня образования, для рабочих и работников сферы обслуживания.

Беседа с иностранцами, по мнению значительного числа респондентов, расширяет и уточняет информацию о жизни в других странах (40,5%), способствует взаимопониманию и сотрудничеству между народами (40,2%), а также способствует распространению правды о преимуществах советского образа жизни (38%), позволяет советским людям знакомить иностранных туристов с жизнью в СССР (35%). Два последних суждения связаны с распространением среди иностранцев информации «наступательного» типа, два первых — общедемократической, общеобразовательной информации.

Значение «наступательной» информации в беседах с иностранцами отмечает прежде всего группа молодежи 14–29 лет, а также самая старшая возрастная группа (60 лет и более), люди со средним (полным и неполным), незаконченным высшим образованием, члены КПСС, а из профессиональных групп — студенты, пенсионе-

ры, служащие. ИТР и интеллигенция, не занятая на производстве, относительно слабее других групп оценивают значение «наступательной информации, но значительно выше других групп ставят значение «расширяющей и уточняющей информации о жизни в других странах».

В анкете содержался также вопрос, связанный с устойчивостью советских людей к воздействию чуждых идей и взглядов, с уровнем идеологической бдительности. Суждение о том, что беседы с иностранцами ведут к распространению чуждых нам идей и взглядов поддержали лишь 5,2% респондентов. Среди них большинство составляют члены КПСС, служащие и пенсионеры.

Исследование показало, что москвичи, которые будут участвовать непосредственно в работе, связанной с приемом и обслуживанием гостей Олимпиады (их оказалось 13% среди всех опрошенных), обладают повышенным стремлением к переубеждению иностранных собеседников (57,9 против 47,8% в среднем по массиву). Для них наиболее характерно суждение о том, что беседа с иностранцами способствует распространению правды о преимуществах образа жизни (50,4 против 38% в среднем по массиву).

Использование москвичами источников информации об Олимпиаде-80

Для выявления роли средств массовой информации и пропаганды в формировании отношения москвичей к различным сторонам подготовки и проведения Олимпийских игр в советской столице необходимо знать реальное использование ими тех или иных источников информации как таковых.

Исследование выявило, что население Москвы активно включено в процесс потребления материалов газет и журналов самого различного профиля и уровня, радио, телевидения. Так, например, «не-аудитория» журналов составляет 7,8%, газет — 1,8%, радио — 2%, телевидения — 0,5%. Системой массовой устной пропаганды (лекциями, политинформациями, занятиями в системе политического и экономического образования) охвачены все слои населения города.

Установлено, что информационные потребности людей довольно широки и разнообразны, в силу чего потребление информации

населением не ограничивается, как правило, рамками одного источника, каналами информации. Результаты исследования свидетельствуют о том, что три четверти москвичей одновременно потребляют информацию из средств массовой информации и устной пропаганды: 84% составляют аудиторию основных средств массовой информации.

Как показало исследование, из широкого набора газет, читаемых москвичами, предпочтение отдается ведущей центральной газете «Правда» — 65,6%, а также «Вечерней Москве» — 55,3%. Достаточно представительна аудитория «Московской правды», она составляет 35,8%. Почти в три раза меньше по сравнению с ней аудитория «Московского комсомольца» — 13,2%. Одновременно основные центральные газеты и московские газеты читают 65,8% москвичей, только московские газеты — 3,9% респондентов.

Ядро читательской аудитории всех трех московских газет составляют рабочие. Для «Московской правды» — 52%, для «Вечерней Москвы» — 67,6%, для «Московского комсомольца» — 18%.

Наиболее активно к «Московской правде» обращаются лица в возрасте 40–49 лет (47,3%), а к «Вечерней Москве» и «Московскому комсомольцу» тяготеют более молодые возрастные группы — от 20 до 29 лет (соответственно, 63,1 и 26,2%). В аудитории всех трех газет представлены москвичи с различным образовательным уровнем, но менее всего с начальным.

Достаточно широкое использование москвичами городских газет (партийных и комсомольских) открывает перед их редакциями большие возможности для целенаправленной работы по освещению и разъяснению различных вопросов, связанных с Олимпиадой-80. Определенная работа в этом направлении уже проделана. Введены специальные тематические рубрики, с определенной периодичностью материалы, посвященные различным аспектам Олимпиады, выходят на газетные полосы.

Но полнота освещения ряда сторон организации и проведения Олимпийских игр в советской столице далеко не всегда удовлетворяет москвичей. С их точки зрения в московских газетах, в передачах московских городских радио- и телепрограмм для Москвы, а также в лекциях, политинформациях и на занятиях в системе политического и экономического образования еще (или совсем) недостаточно внимания уделяется освещению следующих вопросов: преолимпийской торговле промышленными товарами и сувенира-

ми (59,1%); развитию сферы обслуживания в Москве (59%); порядку распространения билетов на соревнования Олимпиады (55,3%); развитию транспорта и связи в городе (53,3%); программе культурных мероприятий (выставки, концерты, кинопросмотры и т. д.) (50,5%); благоустройству города (48,1%).

Полноту освещения некоторых сторон подготовки к Олимпиаде часть москвичей вообще оказалась не в состоянии оценить. Среди них выделяют такие, как: увеличение притока в Москву зарубежных туристов — 37,8%; подготовка к Олимпиаде зарубежных команд — 37,9%, подготовка к встрече с зарубежными гостями Олимпиады — 36,5%; техническое обеспечение Олимпиады иностранными фирмами — 36,5%; отношение развитых зарубежных стран и организаций к Олимпиаде — 34,7%.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что ряд значимых аспектов большой и напряженной работы по организации Олимпийских игр в Москве не находит пока достаточно широкого освещения в материалах московских средств массовой информации. В еще большей степени этот вывод относится к освещению средствами массовой информации и пропаганды вопросов, связанных с участием зарубежных спортивных команд, фирм, организаций в Олимпиаде-80. Неудовлетворенность в объеме и широте распространяемой газетами, радио, телевидением, массовой устной пропагандой информации выражают практически представители всех групп населения.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

ИЮЛЬ

3–4 июля 2012 г.

VI Международная заочная научная конференция «Теория и практика современной науки» — Россия, Москва.

Организаторы: Оргкомитет и Программный комитет Международной научной конференции «Теория и практика современной науки». Информационный партнер НИИЦ «Институт стратегических исследований».

Эл. почта: rf-conf@bk.ru

9–10 июля 2012 г.

IV Международная заочная научно-практическая конференция «Интеграция науки и практики как механизм эффективного развития современного общества» — Россия, Москва.

Организаторы: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований».

Эл. почта: gosnauka@bk.ru

30 июля 2012 г.

II Международная научно-практическая конференция «Современная наука: тенденции развития» — Россия, Краснодар.

Организаторы: Научно-издательский центр «Априори».

Контактная информация: Тел.: 8-918-18-09-879. www.apriori-nauka.ru

Эл. почта: info@apriori-nauka.ru

31 июля 2012 г.

I Международная научно-методическая конференция «Традиции и новации в теории и методике предметного образования» — Россия, Ростов-на-Дону.

Организаторы: Международный исследовательский центр «Научное сотрудничество».

Контактная информация: www.sci-cooperation.ru

Эл. почта: IRC@sci-cooperation.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объём рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, чёрными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он даётся **в конце статьи**.

6. К статье прилагается её **электронная версия**.

По электронной почте статьи принимаются обязательно в заархивированном виде. Материалы по почте просьба присылать исключительно в виде **простых почтовых отправлений** по адресу: 127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2, МИСКП.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редакцию рукопись, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье *обязательно* прилагаются:

— **аннотация** (резюме) объёмом 15—20 строк на русском и английском языках;

— **список 3—4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф. И. О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, учёная степень, а также **данные для связи с автором** — адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации выносится в течение 2 месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклонённых материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: <http://www.poisk.miskp.ru>

**П.О.И.С.К.: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура**

Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 3 (38), май — июнь 2012 г.

Перевод на англ. яз. О. Н. Мамонова

Лит. редактор Л. Г. Королева

Оригинал-макет О. И. Комиссарова

Учредитель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издатель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного
наследия по Центральному федеральному округу. Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС1-01933 от 6 октября 2005 г.

Индекс в каталоге ОАО «Агентство “Роспечать”»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12, стр. 2, офис. 326.

Телефон: 8 (495) 691-69-14.

Факс: 8 (495) 681-17-53.

Для почтовых отправлений: 127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8,
стр. 2, МИСКП.

E-mail: redactor@miskp.ru

Сайт в Интернете: <http://www.poisk.miskp.ru>

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы, депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации, представительствам субъектов Федерации в Москве, департаментам, комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125 районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы, подписчикам журнала.

Сдано в набор 13.05.12. Подписано в печать 22.05.12.
Дата выхода в свет 13.06.12.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика».

Тираж 1000 экз. Заказ №

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16

НИЦ «Академика»

127254, Москва, ул. Гончарова, 15

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская обл., Коломна, ул. III Интернационала, 2а